

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 32

1979

Галина КУЛИКОВСКАЯ

ВОЙНОЮ ОПАЛЕННЫЕ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 32

Галина КУЛИКОВСКАЯ

ВОЙНОЮ ОПАЛЕННЫЕ

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1979

Галина КУЛИКОВСКАЯ

В книге Галины Куликовской собраны очерки о наших современниках, имена некоторых из них широко известны в стране. Валентина Плетнева, Григорий Горбань, Михаил Храмов... Ткачиха, сталевар, токарь... Разные профессии, разные биографии. Но есть нечто глубоко общее, что роднит этих людей: судьба поколения. В их жизнь в той или иной степени вторглась война, обожгла юность или детство, навсегда оставила свой неизгладимый след. Они-то знают, что для человека нет ничего дороже на свете, чем мир на земле...

Эта книга — десятая у автора, специального корреспондента «Огонька». В Политиздате, в издательствах «Правда», «Советская Россия», «Молодая гвардия», ДОСААФ, «Промень» были выпущены в 1957—1976 годах книги: «Локомотивы больших дорог», «Пойманное солнце», «Такой характер», «Твой младший товарищ», «Дважды рожденный», «Однолюб», «Героям — слава!», «Мы — камазовцы», «Орлиный полет».

КРУПИЦЫ ДОБРА

Костяков в дни войны

Это было на Мамаевом кургане. Потрясенные увиденным, погруженные в глубокое раздумье, по широкой лестнице медленно спускались люди. Внизу, возле торжественного горельефа, высеченного в стене, произошла какая-то задержка. Виновниками оказались двое парней, шедшие навстречу. Куртка первого была унизана различными значками и в таком количестве, что ему могла бы позавидовать любая продавщица сувениров. А второй — второй украсил золотыми и серебряными звездочками свой шикарный клеш.

«Вырядились!» — с горькой иронией заметила какая-то женщина. «Да как же он смог?» — гневно возмущился ее сосед. И тогда к этим юнцам, беспечно беседующим, шагнул молодой человек с сединой на висках.

«Сними!» — отрывисто, резко, будто отдал команду, приказал он и повелительным жестом указал на звездочки. Высоченный парень покраснел, послушно нагнулся и стал, торопясь, снимать звездочки. Потом быстро-быстро зашагал прочь, пряча за спинами...

Гвардии старшина запаса Борис Александрович Костяков служил восемь лет, воевал три года и семь месяцев. За это время он познал все: горечь отступлений, боль невозвратных потерь и торжество побед.

14 октября 1941 года, где-то между Можайским и Минским шоссе он увидел впервые фашистские танки. Они шли на Москву. Его 82-я дивизия, уже закаленная на Халхин-Голе, и тут не отступила, нет! Только что переброшенная из Монголии, она с ходу, с колес пошла в бой, да так, что среди гитлеровцев мгновенно распространился слух о «дикой дивизии». Враг не выдержал натиска и был отброшен на целых восемнадцать километров, — успех, невиданный в те грозные дни. Командую-

щий Западным фронтом Г. К. Жуков объявил дивизии благодарность.

Потом было Дорохово, где они стояли рядом с панфиловцами. Трудящиеся райцентра вручили освободителям Красное знамя, оно стало реликвией дивизии и пронесено ею до Берлина и Праги.

Потом было Бородино. На историческом поле перед изуродованным памятником фельдмаршалу Кутузову Костяков снял ушанку. По его лицу кагились слезы.

В партию командир орудийного расчета Костяков подал заявление тогда же, в Подмоскowie, в первую военную зиму. Было ему всего двадцать лет. Весной его избрали парторгом батареи. Он был им бесценно до самого конца войны.

Смерть много раз заглядывала ему в глаза. И никто не знал случая, чтобы он струсил. Не однажды его жизнь висела на волоске. А он отделялся осколочными ранениями, вывихами, контузией и надолго не задерживался в госпитале. Пушку свою он берег, как кавалерист любимого коня, — такой она целехонькой, невредимой и дожидала до победы.

«Ты счастливчик в кубе, тебе везет», — говорили ему с таким видом, будто и впрямь все зависело от везения, от судьбы... Он сердился, зло бранился, очень ему не нравилось это словечко в таком значении.

— Не то, не так! — горячился Костяков. — Счастливчик тот, кто сумеет первым выстрелить, достичь самого трудного, перешагнуть через какой-то порог, превзойти самого себя.

Да, он способен был перешагивать через этот порог, умел быть первым!..

Никогда не забыть ни ему, ни рядовым его расчета урочище Малинник — обширный лесной массив вдоль реки Збруч, притока Днестра.

Шел март сорок четвертого года. Войска 1-го Украинского фронта, а в их составе 4-я танковая армия, прорвали оборону противника и, перерезав важную железнодорожную магистраль Львов — Одесса, вышли на линию Тернополь — Проскуров. Угроза окружения заставила немецко-фашистское командование стянуть сюда пятнадцать дивизий. Завязалось ожесточеннейшее сражение. 6-й механизированный корпус 4-й танковой армии (создан он был накануне Орловско-Курской битвы на базе той самой дивизии, с которой Костяков прибыл из Монголии), преследовал врага.

Погода стояла отвратительная. Распутица. Моросил дождь перемешку со снегом. Грунтовые дороги раскисли. Облетая на ПО-2 свои войска, командующий армией генерал Д. Д. Лелюшенко видел множество машин, даже танков, застрявших

в грязи. Особенно тяжело пришлось артиллерии, грузным «студебеккерам», тащившим орудия...

Что же предпринял в такой, казалось бы, безнадежной обстановке Костяков со своим расчетом? Не растерялся, сообразил, прицепил свою пушку к самоходке старшего сержанта Ушакова и так достиг Малинника. Расположились так: Ушаков — справа у опушки, Костяков — слева. Едва успели окопаться, как увидели фашистские бронетранспортеры, шедшие к оврагу. Наши артиллеристы приготовились. Костякову мешал ствол дерева — правильные быстренько спилили его.

— Заряжай! — скомандовал старший сержант Костяков. — Огонь!

Один бронетранспортер выведен из строя, другой. Немцы бросили технику, разбежались.

Командир орудия послал солдата к Ушакову узнать, как у того дела. Связой, запыхавшись, прибежал: «Идут танки». Костяков немедленно решил двинуться на помощь. В тележку впрягся весь расчет. Главная толкающая сила — Тупахин. Он, как Илья Муромец, богатырского телосложения, по два котелка каши всегда получает. Успели вовремя. Снова зарылись, раздвинули станины.

Танков было много. И самоходка стреляла, и пушка стреляла. Они уже не различали, кто сколько уничтожил. Семь, не то восемь танков в общей сложности. Уцелевшие три ретировались к оврагу. «Я проскочу туда!» — крикнул, разворачиваясь, Ушаков. И в этот момент Костяков увидел «тигра». Громадный, неуклюжий танк шел немного ниже и дальше тех, что были подбиты, на очень удобном для орудийного прицела расстоянии.

Костяков влепил снаряд в башню, но танк, к его удивлению, остался невредим и, точно настоящий разъяренный тигр, повернул прямо на пушку. Артиллеристы перетащили орудие поближе к домику, находившемуся неподалеку в лесу. «Тигр» запустил болванку. Рухнула стена сарая. Ранило наводчика Федю Кидалова.

— Ну, погодите же! — крикнул Костяков и приник к палораме. Теперь он расстреливал танк прямой наводкой: тут у него не было конкурентов.

— Огонь!

Слепяще яркий шар рикошетом отскочил от брони. Что за черт? Еще раз «Огонь!» Снова шар! И тогда Костяков понял: у «тигра» утолщенная лобовая броня. Шансов одолеть его в столь неравном поединке не было.

Костяков остался один. Кидалову нужно было оказать помощь. Остальные разбежались. Струсили, бросили! Это был единственный за все время случай, первый и последний.

Один на один с танком. Ну что он может этому чудовищу сделать? Раздавит тот его как пить дать — и все. А танк все ближе, ближе. Как быть? Уйти самому? Оставить пушку? Нет, только не это! Никогда! Подпущу еще ближе. Чтоб можно было ударить по гусенице. Только очень точно надо рассчитать расстояние. Если раньше времени — недолет, позже — перелет. До танка осталось, по его мнению, метров восемьдесят. Счет пошел на секунды. Там на «тигре» тоже ведь считали секундами. Все сейчас сводилось к тому, кто первым откроет огонь.

Костяков рассчитал точно — снаряд угодил прямо в гусеницу. Танк вильнул влево и накренился. «Ну, теперь ты мой!» — облегченно вздохнул старший сержант и вытер ладонью мокрый от испарины лоб. Тут же, не давая ни себе, ни танку передышки, зарядил пушку и послал второй снаряд в борт, где броня потоньше, чем впереди.

Когда фашисты выбрались из «тигра», их встретила автоматная очередь подоспевшей пехоты. Разделавшись с гитлеровцами, солдаты подняли храброго старшего сержанта на руки, стали качать.

А потом была Германия...

Враг возлагал на Одер отчаянные надежды. Это был последний крупный водный рубеж на пути к Берлину. На западном, высоком берегу Одера были возведены мощные инженерные сооружения. Казалось, что сеть траншей и железобетонные доты превратили этот рубеж в неодолимый оборонительный вал. И все же этот вал был сметен.

Первой прорвалась к Одеру четвертая танковая армия. «В ночь на 22-е января (1945 г.) к реке в районе Кебен (севернее Штейнау) вышел 6-й гвардейский механизированный корпус этой армии...» — записано в «Истории Великой Отечественной войны».

Это был его, Костякова, корпус. Однако инженерные понтонные части еще не подошли. Командир передового отряда этого корпуса — 17-й гвардейской мехбригады — подполковник Чурилов организовал на восточном берегу реки танковые засады, подтянул артиллерию, определил наиболее выгодные места для форсирования, приказал разобрать сарай паромщика (в нем оказалась, к счастью, бочка смолы) и, пока не подошел понтонный батальон, сделать из досок лодки и плоты.

По Одеру, широкому и глубокому, шел ледоход. Быстрое течение реки несло громадные льдины. Дул холодный, пронизы-

вающий ветер. А потом повалил снег крупными хлопьями. Под прикрытием ночной темноты на западный берег на самодельной лодке отправилась отважная разведка. Старшие сержанты Седепков и Кержнев, ефрейтор Вильский, рядовые Слободеник и Тюменцев. Неслышно подойдя к двум дотам, они стремительно овладели ими, хотя доты были не обычными, а очень мощными сооружениями в два-три этажа и имели орудия и пулеметы. Однако операция удалась, и вот почему. Враг не ожидал, что так скоро высадится разведочный десант, и не успел направить в доты боевой гарнизон, там находились всего лишь дежурные группы фольксштурма. Овладев позицией, разведчики шесть часов отбивали контратаки, пока не подошло подкрепление — подразделения мотопехоты.

Как только плацдарм на западном берегу был создан, удалось навести переправу. Сначала ею воспользовался подполковник Чурилов со штабом бригады, затем были переброшены мотострелковые части. Завязались уличные бои. Надо было до прихода вражеских подкреплений очистить Кебен от противника. Без полевой артиллерии, поддерживающей пехоту, не обойтись.

Кому же из пушкарей предоставили право первому форсировать Одер? Подполковник Чурилов выбрал орудийный расчет № 1, которым командовал старший сержант Костяков. Накануне всю ночь, прикрывая разведчиков, его пушка в числе других орудий дивизиона вместе с танкистами была по огневым точкам врага, расположенным на противоположном берегу. Всю ночь перекрещивались кинжалы шквального огня, молниями сверкавшие над рекой. К утру, когда береговая оборона гитлеровцев замолчала, саперы, воспользовавшись густым туманом, погрузили орудие на паром. Артиллеристам придали автоматчиков мотопехоты.

Переправились благополучно, но на берегу их сразу заметили. Противник открыл огонь. Кого-то ранило, кто-то упал... С огромным трудом втащили орудие на крутой откос. Там, наверху, на открытом месте, оно стало удобной для врага мишенью. Положение осложнялось тем, что вкапывать сошники и укрепляться, тем более на асфальте, не успевали. Надо было отбиваться во что бы то ни стало. Костяков приказал солдатам сесть по два человека на станины, с боков, с тем чтобы в какой-то степени тормозить, противодействовать силе отдачи. Но все равно при каждом выстреле пушка откатывалась на несколько метров. Люди падали, вскакивали все в ссадинах и ушибах и снова бежали к своей пушке. Другого выхода не было. Самого Костякова отшвырнуло так, что он вывихнул руку. Спасибо, был санинструктор Леонтий Дзыга, быстро вправил сустав.

Сопровождая наступающую мотопехоту колесами и огнем, расчет метр за метром, от дома к дому, в необычном для него подвигном состоянии, пробивался с уличными боями на противоположный конец города. На ходу заряжали, стреляли, поражая близкие и дальние цели. Ствол орудия раскалился так, что нельзя было к нему прикоснуться. Снаряды были на исходе. Однажды в артиллеристов чуть-чуть не попал снаряд с того берега. Видимо, они так далеко ушли, что свои артиллеристы-дальнобойщики приняли их огневую точку за неприятельскую. Тогда ни Костяков, ни его товарищи не знали, что враг подбрасывает в этот район свежие силы, что вызванный батальон специального назначения из Бранденбурга открыл усиленный артиллерийский обстрел восточного берега, что битва за Кебен будет вестись еще несколько дней, что из берлинской зоны была направлена сюда авиация, что «юнкеры» и «мессершмитты» получили задание вывести из строя переправу. Всего этого они не знали, только видели летящие к реке самолеты.

Измученные люди еле держались на ногах. Костяков выбрал наконец место в кустарниках и окопался со своим расчетом. После бессонных ночей, после невероятно трудного боя каждый готов был повалиться, где стоял, и спать, спать...

Неожиданно послышался гул пикирующего самолета. Больше всего на свете Костяков не выносил этот звеняще-ноющий звук, когда вражеский бомбардировщик камнем настигает жертву.

Костяков озорно подтолкнул Кидалова: «Федя, пуганем, а?»

Очень трудно было нацелить пушку, ведь ее ствол надо для этого задрать почти на девяносто градусов, почти вертикально, что практически невозможно. И все же...

От второго снаряда самолет вспыхнул. Пустил черный шлейф дыма. А может быть, произошло это и не от их снаряда? Кто знает? В Кебене и на том берегу было кому прицеливаться. Во всяком случае, в своей книге «Москва — Сталинград — Берлин — Прага» Д. Д. Лелюшенко высказался вполне определенно: «Даже из полевой пушки, к нашему удивлению, командир орудия 17-й гвардейской бригады старший сержант Костяков сбил один вражеский самолет...»

Что же касается мнения по этому поводу самого Костякова, то он, не отрицая и не претендуя на «авторство», говорил: «Случайность, чистая случайность! Это не подвиг».

Он, конечно, был прав! По-снайперски сбить самолет из пушки — это редкая удача... Подвиг начался сразу, когда, презрев опасность, под обстрелом артиллеристы первыми карабкались с пушкой на горбатый берег...

После той январской ночи командир бригады, встретив командира орудия, спросил: «Ну, как, крестник, дела?» (Оба они были удостоены потом Золотых Звезд.) Подполковник Чурилов поздравил Костякова и весь личный состав расчета с героическим, самоотверженным выполнением поставленной задачи. Но, увы, всего личного состава уже не было, из семи бойцов в расчете осталось четверо, остальные пали в боях за Кебен. А вскоре Костякова постигло страшное горе: на его глазах погиб Герой Советского Союза Федя Кидалов, наводчик и любимый товарищ. Федя пришел к ним где-то под Брянском, обвешанный гранатами так, что Костяков рассмеялся: «Ты что — пират?» Совсем он был тогда мальчишкой, двадцать пятого года рождения, ровесник младшему брату Костякова. И вот теперь умирал на его руках... Командир не успел даже донести Федю до санбата... И уже до самого конца войны Костяков не брал другого наводчика, сам стал к орудию в память о друге...

О героях форсирования Одера писали в газетах, выпускали специальные листовки. Чтоб познакомиться с Костяковым, в дымящийся Кебен приезжал поэт Василий Журавлев, фотографировался с ним, послал корреспонденцию во фронтовую газету. Через несколько лет посвятил той встрече стихи.

Заканчивалось стихотворение так:

Где ты, мой товарищ, горячий и стойкий,
Встречаешь дыхание новой весны?
Идешь на завод, иль на новые стройки,
Иль трактор ведешь по полям целины?

Костяков в дни мира

Случилось так, что они в санатории оказались соседями по палате — директор металлургического завода и Борис Александрович Костяков. Вскоре у них нашлись общие темы для разговора. Оба, например, любили спорт. Директор увлекался теннисом, но сейчас из-за болезни играть не мог. А Костяков предпочитал бег и плавание. Ими он занимался по своему методу: чем будет безжалостнее к себе, тем скорее поправится. Каждое утро уминал дорожки санаторного сада, а иногда вырывался, как он говорил, на оперативный простор, за ворота. И тогда приносил охапки пахучих цветов. До завтрака он успевал расставить букеты: самый большой — на полу, возле двери, чтоб можно было любоваться и лежа. К приходу нянечки, ворчливо бубнившей: «Опять натаскал мусора», — палата играла всеми красками луга и благоухала.

Директору это нравилось, он сам очень любил природу и с интересом присматривался к этому уже немолодому, но энергичному человеку. Бывший фронтовик, теперь снабженец, весь в делах, Борис Александрович Костяков как будто далек от всего этого — и вдруг цветы, нежная любовь к травушке... Откуда это у него?

Однажды сосед разговорился:

— Жили мы на Кишме, есть такая небольшая речонка, в Оку впадает. Бывало, матушка разбудит меня на зорьке, четыре часа еще, пар от реки идет, а мы уже собираемся. Матушка с веслом, я на корме. Красота такая, что не передать. Вода розовая, тихая. Птицы заливаются. Причалим к лужайке, траву косим. А полянки то малиновые, то белые, и земляника красными бусинами... Возвращались к вечеру. Надо было накосить пять пудов травы. Больше наш ботничек не брал. За лето сто ездов, никак нельзя меньше, иначе корове сена на зиму не хватит. Из мужиков я старший у матушки был, как у Некрасова, помните? «А кой тебе годик?» «Шестой миновал». И мне шесть исполнилось, когда отец умер.

— Да, тяжело в те годы деревня жила, — вспомнил что-то свое директор.

— Так я ведь в непрестом селе родился, в Ворсме. Знаменитое место. У Ленина в «Развитии капитализма в России» есть строки про него. У нас кустари по обработке металла промышляли. Ножи делали. На этих самых ножиках и мы с братом подрабатывали. В подвале колесо крутили, на котором лезвие затачивают. Огромное такое. Час покрутишь — руки отваливаются. Мы с Сергеем, братом, приспособились. Он крутит — я уроки готовлю, я кручу — он читает. С той поры к физическому труду приучен. Да дед меня все закаливал. Бывало, из баньки выскочит — и в снег, катается в снегу и меня тащит: «Давай, давай, Борька!» Знаете, как выручала меня такая подготовка на фронте! Да и потом, после фронта, когда поступил в техникум. Я выносливый.

— С трудом давалась наука?..

— «С трудом» — не то слово. Два года мучился. Девчонкам четырнадцать — мне двадцать семь, а мы в одной группе. Те подходят к доске, раз-два — и ответ готов. Я обливаюсь потом, будто пушку толкаю. В голове туман, полный провал, ничего не помню. Сажусь за книги — глаза слипаются. Выскочу, снегом натрусь и снова за книги. Ночи не спал, но нагнал. Все нагнал!

— Молодец! — пробасил директор. — Крепкий характер.

— После техникума направили на Павловский автобусный завод, «пазики» делали. Начал мастером кузницы, дошел до на-

чальника цеха и заместителя директора по производству. Однажды послали меня на Магнитку выколачивать очень нужный нам металл. Директор Магнитки, Воронов был им тогда, ко мне с уважением отнесся, особенно когда узнал, что я фронтовик. Все, что нам нужно было, распорядился без задержек отгрузить. Стали меня с тех пор в командировки посылать — в Запорожье несколько раз был, многих однополчан встретил. Кто на профсоюзной работе, кто кадрами занимается, кто в отделе труда и зарплаты... А потом получилось так, что и я насовсем сюда переехал. Предложили мне работу в «Монтажхимзащите» заместителем начальника управления по материальному снабжению. Согласился. Здесь, в комитете ветеранов войны, председателем секции 4-й танковой армии избрали. Тут я со всей душой, дело интересное, большое.

— А работа удовлетворяет?

— Как вам сказать? Не жалею, но и любви к ней особой нет.

— Знаешь что,— предложил ему однажды директор, когда они уже перешли на «ты»,— бросай свое снабжение, переходи на завод.

— Что я там буду делать?

— Производство ты знаешь,— сказал директор, имея в виду что-то свое. У него был талант распознавать в людях незаурядное, то, что другие не замечают.— Я задумал создать новый цех. Цех эстетики. Хочу, чтоб красота к нам пришла. Красные уголки, места отдыха, холлы — все это надо оформить, продумать интерьеры, экспозиции...

— Интерьеры, экспозиции,— автоматически повторил Костяков.— Я не готов! Что я в них понимаю? Тут нужен человек со специальным образованием. А я что? Не то! Не то!

— Специалистов и консультантов я тебе дам,— не отступал директор.— А ты возглавишь. Буду помогать. Пойми, людям нужна красота. Ты и за нее на нашей земле воевал.

Посеял директор в душе Костякова великое беспокойство. Не раз они еще беседовали, не вдруг он поддался уговорам. В конце концов решил поехать посмотреть завод. Вроде на экскурсию, без особых планов. Но получилось все не так, как ожидал директор.

Ходил Борис Александрович по цехам и удивлялся: какая же это черная металлургия? Цеха, как лаборатории, тут не что-нибудь, а и пальмы разрастутся. Дошла очередь до кузнечно-прессового. Это самый молодой на заводе цех, всего три года как пустили, специальный корпус для него построили. Вошел Костяков и засомневался: туда ли он попал? Высота и простор — дворцовые.

Первое знакомство с «кузницей», можно сказать, произошло, но Костяков не собирался уходить. Его вниманием завладели громадные прессы и машины-роботы, снующие возле них. Всего семь человек обслуживали их, и он почему-то вспомнил, что и в его артиллерийском расчете тоже как раз было семь. Одна машина была построена в Рязани, другая — в ГДР.

Засмотрелся Костяков, как ловко эти машины своими длинными хоботами достают из печей апельсинового цвета слитки, плавно разворачиваются с ними на двести семьдесят градусов и аккуратно подают их прессам, заслушался знакомой и, казалось ему, забытой музыкой грохочущих ударов и не заметил, как поддался игре воображения. Длинный хобот манипулятора вроде бы вовсе и не хобот, а ствол пушки, и парень, который управляет им, не машинист, а заряжающий, и слитки не слитки, а снаряды. И тот парень в берете, который сидит у пульта прессы и командует, когда сделать удар, конечно, наводчик. Им мог бы быть Федя Кидалов. Мог бы!.. А он лежит где-то в немецкой земле, и, может, совсем недалеко от того города, где построена шаржир-машина... Фронтные годы стали для Костякова эталоном, по которому он выверял сейчас свою линию жизни.

Бывает же так: живет человек, все идет своим чередом, по заведенному порядку. Но вот в один прекрасный день как бы луч света высвечивает его бытие, и он спохватывается: «Что же я раньше-то?..»

В отделе кадров долго рассматривали его трудовую книжку. «До выхода на пенсию по сроку работы в горячих цехах вам осталось всего год и два месяца. С одной стороны, действительно имеет смысл доработать вам эти четырнадцать месяцев, но вы теряете в заработке рублей семьдесят в месяц». «Ну и что же? Проживем...» — отвечал он. Его остерегали: «Работа посменная, придется и ночью. Здоровьем вы похвастаться не можете...» «В бригады я уже не гожусь, а на печь — готов! Только чтоб в строю!»

— Ну и наломал же ты дров! — схватился директор за голову, когда они остались одни в кабинете. — У тебя же техникум, начальником кузницы был, производством командовал. Я не имею права ставить тебя рабочим. Не могу!

Костяков горячился:

— У меня же огненная профессия. И по фронту и по гражданке. Там имел дело с огнем, и тут дело с огнем.

— Что ты предлагаешь? Что б я тебя, фронтовика, Героя Советского Союза, послал работать в три смены? По ночам? Мне таких шишек за это набьют!

— Дай ты мне доработать хотя бы год для стажа, как раз до праздника Победы. Дай развернуться! А потом хоть на ин-терьеры, хоть куда хочешь!..

В конце концов порешили на том, что Костяков пойдет все же «на линию огня», как он упорно повторял, мастером.

— Что же касается цветов, — сказал он, уходя, — то они будут, не беспокойся, во всяком случае, в кузнице.

Цветы действительно в кузнечно-прессовом корпусе появились. Не успел новый мастер как следует утвердиться в должности, а в комнате мастеров уже стояли в горшочках традесканции, вьюнки и фиалки. Сначала отнеслись к ним скептически, заулыбались, вот, мол, какая причуда у человека! А потом стали ухаживать за ними, даже свои из дому принесли.

Как же утверждал себя новый мастер? Пришлось ему сломать устоявшийся ритм жизни и начинать, можно сказать, все заново.

«6 марта, среда. Сегодня у меня первая смена. Поднялся в 5.30, в 6.00 был в цехе, — записывал он в своем дневнике. Дневники он вел уже много лет, в год по толстой тетради с вырезками из газет, меткими высказываниями. Исписаны уже двенадцать таких «томов». — Походил по коридорам, почитал объявления, стенды, приказы. Когда пришел заместитель начальника цеха, поднялся к нему. Он проинструктировал меня. До 18-го числа буду в техотделе изучать технологию. Потом десять дней на линии вместе с мастером, после того, как он уйдет в отпуск, останусь один».

Не через две недели — уже через шесть дней Костяков надел каску, зеленую куртку и спустился вниз, на линию. Его же на знает, чего это ему стоило: как и в студенческие годы, сидел вечерами над книгами и схемами, прихватывая и ночь, но вставал все равно в пять тридцать; пока ехал в трамвае, опять читал, в обеденный перерыв тоже.

«14 марта. Пришел с третьей смены. Вот так, на 53-м году начал трудиться и ночью. До этого никогда не приходилось. Еле дотянул с непривычки до утра. На оперативке у начальника цеха под конец задремал. Оперативка шла долго, целый час, с утренней и ночной сменой. Очень слабо пока разбираюсь в деле».

Под делом он подразумевал великолепные прессы и машины и те сложные производственные отношения, которые складываются в процессе труда. Он не сомневался в том, что одолеет современную технику, организаторских же способностей ему было не занимать. По своему опыту уверился, что самое главное в работе — люди.

В смене две бригады, сорок человек. Есть инженеры и есть молодые ребята, которые еще учатся в вечерней школе. Надо всех их знать — характеры, склонности, привычки. С самого первого дня Костяков завел для себя список. Против каждой фамилии — имя и отчество, чтоб можно было к человеку обратиться, когда подаешь ему перед сменой руку; год рождения, чтобы знать, кого просто «Петром», а кого и «Ивановичем» величать; адрес, чтобы можно было навеститься к нему, посмотреть, как он живет, все ли ладно в семье. Со всеми Костяков нашел общий язык очень быстро, человек он общительный, с ходу умеет установить контакт с людьми. Но вот есть в смене Аркадий К., с ним такого контакта не получалось.

Аркадий высок, статен, зеленоглаз. На таких женщины заглядываются. Что же касается работы, то неровен: то вспыхнет, то остынет, хотя и немало ему лет. Слыл первым танцором в художественной самодеятельности, но забросил ее. Любит порисоваться перед товарищами, на собраниях. Что он за человек? Сумеет ли Костяков к нему дорожку найти?

Костяков очень хорошо запомнил свою первую встречу с К. Перед началом смены мастер проводил пятиминутку. Все были уже в сборе, кроме К. Пришел позже всех, принес длинную скамейку. Демонстративно, с грохотом поставил ее, сел. словно озорной школяр.

— Как вас звать? — спросил Костяков.

— Это не имеет значения, — ответил тот.

— Предположим, что никакого, — спокойно заметил Костяков и продолжил прерванную беседу.

Краткий этот диалог он не забыл. Что вывело К. из равновесия? Стал расспрашивать людей. Костякову посоветовали: «Не обращайтесь внимания. Он с выкрутасами, не стоит на него тратить время и энергию». Мастера такой ответ лишь раззадорил и озадачил: как это не обращать внимания? Человек же! Понаблюдал и пришел к выводу: может работать хорошо, дело знает. С разговором Костяков не торопился. Все обдумывал, с чего бы начать, как растормошить его, и вдруг увидел К., идущего навстречу вихляющей походкой. На пьяном лице нагловатая улыбка.

Костяков побелел от гнева.

— Смирно! — гаркнул он, как бывало на фронте. Голосище у него мощный, зычный, еще в полковой школе был запевалой. — Кругом — арш! Двести шагов вперед!

«Я обязан быть нацеленным на этого человека, — писал Костяков в дневнике. — В этом на первый взгляд разбросанном рабочем таятся незаурядные качества. Я должен сделать из него классного специалиста и настоящего человека...»

Костяков уже знал, что К. рос без отца. Отец погиб в сорок четвертом, был танкистом. Тем большая ответственность лежит на нем, Костякове. Мастер стал давать Аркадию поручения, не связанные вроде бы с его работой. «Надо сделать то-то», «Сходи, принеси то-то»... К. выполнял поручения не сразу. Медлил, тянул. Костяков не без волнения посматривал на часы. Но все же К. делал все в точности. Иногда мастер давал ему задания, непосильные одному человеку, и видел, что Аркадий может организовать людей, что рабочие охотно слушаются его и прихватывают даже часть своего обеденного времени.

Случалось, К. подменял машиниста, не вышедшего в смену, один раз даже бригадира. На линии большого прессы освоил все профессии. За что ни брался, все у него получалось. Вот это было по-костяковски! Борис Александрович любил людей, у которых в руках все горит. Сам был таким. Мальчишкой еще, помогая матери, строчил на швейной машинке гимнастерки и сумочки, которые та брала на дом из мастерской. Когда был командиром расчета, добивался, чтоб рядовые могли заменять друг друга. И здесь стремился к тому же.

Почти каждый день мастер открывал в своем подопечном что-то новое. Но невыясненных вопросов было еще много. Почему, например, он является на смену порой в возбужденном состоянии, а порой ходит словно в воду опущенный? Выбрав вечер, пригласил Костяков Аркадия к себе домой. К. с уважением и интересом рассматривал кабинет мастера, похожий на музей, — сколько в нем памятных подарков с надписями, грамот, адресов. На полке значки, полиэтиленовые мешочки с землей, святой землей Мамаева кургана. На другой полке — книги. Все о войне. Одна толстая, на грузинском языке. Серго Чхартишвили ее написал, заряжающий такой же пушки, какая была и у Костякова. Только служил он в другой батарее, хотя и в том же дивизионе. Мастер рассказывал Аркадию про Серго. После войны Чхартишвили окончил Тбилисский университет, работал и писал книгу о войне. Много лет писал. И как только вышла книга в свет, послал первый экземпляр Костякову. Борису Александровичу отведено в ней много страниц, даже главы. Описан бой в урочище Малинник, участие во взятии Кебена и другие боевые эпизоды. Книга называется «Через Берлин», потому что самая короткая дорога домой для фронтовика пролегла только через Берлин.

На столе стопки писем. Свежая почта. Стопка конвертов подготовлена для отправки. Все это Борис Александрович делает сам, все это требует времени. Когда же он успевает? Вот и для него, Аркадия, выкроил час. Галина Фоминична, жена Костякова, принесла чашечки с чаем, печенье и пошла в другую

комнату, сама занимается. Немало ей лет, а вот учится, в Киев на экзамены ездит. Удивительные они люди, Костяковы!

Поделится в тот вечер Аркадий своими невзгодами, излил душу. С женой часто спорятся. Вон, оказывается, что!

А потом как-то и мастер заглянул к К. домой. Живет в одной квартире с матерью и сестрой. По существу, три семьи. Родня, а на кухне три отдельных столика. Три женщины у одной плиты, не желающие ни в чем уступить друг другу... Аркадий оказался меж трех огней: мать поддержит — жена в обиде, защитит жену — сестра смотрит косо... В подобной ситуации Костяков однажды выручил молодоженов, еще когда в «Монтажмзащите» работал. Что же он тогда сделал? Просто предложил им временно, пока получат отдельную квартиру, пожить у него. Себя урезал, свою комнату им отдал. А как сейчас Аркадию помочь? Их ведь трое, сын растет... «Был на квартире у К., — записывает Костяков в дневнике. — Что-то надо сделать, чтобы человек жил лучше!» Он, мастер, должен об этом побеспокоиться. А пока надо попытаться разрядить обстановку. И уже зреет в голове план.

— Ты когда в отпуск собираешься? — спрашивает мастер. — В мае? Обещали путевку в профилакторий? Вот и отлично. Надо бы и Кате с тобой поехать. Я об этом позабочусь. Она в каком цехе работает?

Костяков не только о Катиной путевке похлопотал, но и себе на несколько дней взял. Договорился, чтоб им отдельную комнату дали. Сам поселился рядом. Вместе завтракали, вместе гуляли. И как-то незаметно ему удалось нащупать в их отношениях те острые углы, которые и попытался сгладить.

Катя постепенно оттаивала, появились в ней мягкость, терпимость, Аркадий становился веселее и разговорчивее, а самое главное — доверчивее. Он обращался теперь к Костякову по личным делам за советом и как-то сказал: «К кому же еще, если не к вам, вы мне как отец». А Катя, вручая ему по какому-то поводу цветы, так и сказала: «Это вам, отец». Что ж, он не против. Свои дети сейчас от него далеко. Сын — артиллерист, дочь — студентка. И было радостно: восходила крупица добра.

Не следует, однако, думать, что только К. был в центре внимания мастера.

Отдыхал Костяков на курорте. Вернулся и узнал, что вынесены два административных взыскания его подчиненным. За все время не было ни одного — и вдруг такая неприятность. Что тут хлопцы без него набедакурили? Один подручный при взвешивании слитков повредил весы. Правильно его наказали. Но второго человека зря.

Произошло вот что. Машинист пресса в микрофон, по которому передают распоряжения о подъеме бойков, песенку спел. Лето стояло, у парня настроение веселое было. Но настроению ему быстро испортили: урезали на двадцать процентов премию. Костяков расстроился. «Что вы делаете? — возмутился он. — А может, у него радость большая была! Посмеяться бы над ним да погрозить кулаком, он бы и так понял все».

Пошел мастер к начальнику цеха. Убедил его, что не следовало машиниста так сурово наказывать, и предложил удержанную сумму вернуть из средств фонда мастера. Начальник цеха с ним согласился.

Ни одно событие, большое или малое, не упускает Костяков. У комсомольцев собрание. Он идет к ним. Выступает, предлагает: «Давайте устроим вечер проводов в армию». И становится главным организатором. У Раисы Ильиничны Поташниковой, машиниста крана, день рождения. Товарищи по бригаде готовят подарок. И не пустячок какой-нибудь, а именно то, что ей хотелось. Хотя дата вовсе не круглая. Не будь Костякова, никто бы, пожалуй, про нее не вспомнил. Но Костяков завел правило: не обойти ни одного. В его списке все значится. Вначале сопротивлялись: «Подумаешь, какое событие — день рождения!» Он долго убеждал, наконец доказал, как приятно человеку знать, что о нем думают и заботятся... Привилось. И теперь почти каждую неделю в цехе у кого-нибудь маленький праздник. Прорастает еще одна крупница добра.

В цехе, на заводе, в Запорожье о Костякове говорят: «Он отдает себя людям без остатка». Имеют в виду не только работу мастера. Даже после того, как он уйдет с завода на пенсию, он всегда будет нужен людям. Очень нужен!

Его часто приглашают в школы, клубы, красные уголки. Просят: «Расскажите о себе, как вы воевали». Он отказывается рассказывать о себе и говорит о других, о том, как важно было не только добыть победу, но и сохранить, закрепить ее навсегда. Уходя на такую встречу, он берет пакетики с землей, священной землей Мамаева кургана, Сапун-горы, Малой земли, Аджимушкая. Он вручает эту землю перед минутой молчания. И каждый раз волнуется: «Как лучше донести все пережитое до молодежи? Как рассказать, чтоб она все поняла?..»

При встрече директор, не отступая от своего намерения, нет-нет да и спросит:

— Ну как, скоро?

А Костяков махнет рукой, мол: «Погоди, погоди!» — и переведет разговор совсем на другую тему.

ЧЛЕН ПРАВИТЕЛЬСТВА

Когда Нина Леоновна Снежкова в одном из клубов Сан-Франциско закончила свой доклад (а была она в США уже в третий раз), в зале послышалось: «Мы думали, что СССР — это только Россия, оказывается, есть еще Белоруссия и другие республики...» Так вот: Снежкова — заместитель председателя Совета Министров как раз одного из пятнадцати таких, неизвестных некоторым американцам государств, из которых и складывается Советский Союз. По своей территории Белоруссия превосходит Австрию, Бельгию и Португалию, вместе взятые, является, как известно, членом ООН и имеет в ее органах своих представителей. Круг вопросов, которыми занимается Снежкова, весьма обширен: народное образование, здравоохранение, социальное обеспечение, наука, культура и искусство. Моя журналистская книжка буквально распухла от записей бесед с различными людьми и фактов, свидетельствующих о ее высочайшей компетенции во всех этих сложных делах и удивительной бойцовой активности, с которой она их осуществляет.

Однако мало ли в нашей стране женщин, занимающих столь ответственные государственные посты? Нет, не высокое положение ее в обществе привлекло меня при ближайшем, а тем паче при более глубоком знакомстве... Пленили ее нравственные идеалы, черты ее характера, наконец, ее судьба.

С первого же знакомства в Нине Леоновне подкупает достойная простота, безыскусность, лишенная какой-либо нарочитости. Ну разве можно было представить, что в один из прекрасных дней в моей квартире раздастся телефонный звонок и незнакомый голос на другом конце провода откомендуется: «Я, Снежкова, нахожусь в гостинице «Москва». Вы хотели со мной встретиться?» Правда, незадолго до того из редакции звонили в Минск помощнику Снежковой и передали просьбу принять меня. Нина Леоновна внимательно, уважительно отнеслась к этой просьбе и при первой же оказии напомнила о себе. Потом, будучи в Минске, я убедилась, что с такой же доброжелательностью она относится к каждому, кто к ней обращается по тому или иному поводу, — к работнице ли, у которой не все ладилось в жизни; к художнику, с которым обошлись несправедливо; к слепому ли юноше, который мечтал стать музыкантом; к ученому, пришедшему за советом...

Мне говорили: «Снежкова — блестящий оратор, импровизирующий с ходу и вдохновенно». На этот редкий ее дар впервые обратил внимание еще много лет назад Иван Мележ, известный белорусский писатель. В то время, по собственному ее выражению, она была еще «гадким утенком» — тонконогой, тонкору-

кой девушкой в ситцевом платье, но с гордо вздернутым носиком. Она выступала на каком-то студенческом вечере и привела в восторг этого взыскательного художника слова своим чистейшим белорусским языком. Высокий, широкоплечий человек с добрыми серыми глазами спросил: «Где так добра научили вас белорусской мове?» С того вечера Иван Мележ как бы взял шефство над скромной студенткой, присылал ей свои книги, а позже и письма, в которых интересовался мнением о прочитанном и напоминал: «Главное — любите литературу нашу и стремитесь поддерживать все доброе, что растет в ней». Эти слова прозвучали для Снежковой напутствием, знакомство с Иваном Мележем переросло со временем в большую дружбу Нины Леоновны с писателями.

К сожалению, мне слушать Снежкову с трибуны в Минске не довелось, так уж сложились обстоятельства. Случай представился в Москве. Снежкова приехала на заседание Главного Комитета ВДНХ СССР. И снова, уже как добрая знакомая, позвонила мне. Да, она должна докладывать комитету о подготовке к Дням Белоруссии на ВДНХ. Такие дни в честь 60-летия Великого Октября проводила на Всесоюзной выставке в Москве каждая республика. Конечно же, такой доклад не парадная и не приветственная речь, он будет носить деловой, конкретный характер, и все же я с нетерпением ждала ее выступления.

Председательствующий назвал фамилию. На трибуну энергичным шагом поднялась золотоголовая женщина в строгом темном костюме. Гладкая прическа, открывающая высокий лоб, серые, с лукавинкой, глаза...

— Уважаемые товарищи, — обратилась она к сидящим в зале звонким, сильным голосом, и в рядах перестали переговариваться, заинтересованно обернулись сидящие в президиуме. — Колоссальные социально-экономические преобразования произошли в жизни белорусского народа за годы Советской власти. Им и будет посвящен вводный раздел нашего павильона. Первые пятилетки, бессмертный подвиг в Великой Отечественной войне, возрождение из руин при помощи братских республик...

Снежкова не вдавалась в подробности, не мельчила, а умело как бы вела от стенда к стенду, останавливаясь только на самом главном. Так художник набрасывает на холсте контур, и постепенно становится ясен его замысел, композиция всей картины.

Сама того не подозревая, Нина Леоновна помогла и мне. Биография республики — это же и ее биография, потому что вся ее судьба — зеркало жизни народа.

...Трагическое лето сорок первого. Над Веткой, крохотным городком на берегу Сожа, притока Днепра, нависла зловещая

тишина. В первую же ночь фашисты увели, а потом и расстреляли дядю Митю, мужа отцовой сестры. Страшная опасность грозила всем Снежковым. Зоотехник-коммунист Леон Снежков погнал колхозные стада в глубь страны. Успел ли он спасти их, перейти линию фронта до прихода врага? Старший сын, Володя, ему всего шестнадцать лет, ушел к партизанам. В доме осталась Анна Яковлевна, бессменный депутат горсовета, и шестеро детей мал мала меньше: от семиклассницы Нины до двухлеток-близнецов Вити и Коли.

Поздно вечером полицай привел фашиста. Во дворе захлебнулась лаем и смолкла — прогрохотал выстрел — собака. «Где муж?» — попытался полицай, подступая к Анне Яковлевне с кулаками. Фашисты приходили еще много раз и каждый раз что-то забирали: то корову, то кур, то подушки...

Разве все это когда-нибудь забудется? Разве забудется, как выюжной ночью партизаны принесли в хату совсем больного Володю и мать прятала его то в подполье, то на гумне, то у соседей, а Нина, крадучись, носила брату печеную картошку? Девчонке тогда и во сне не виделось, что она будет защищать университетский диплом на тему о войне и подполье.

Леон вернулся домой в сорок четвертом году, после того как враг был изгнан и Ветка освобождена от захватчиков. Пришел в форме артиллериста и не совсем, а на побывку. В райкоме партии Снежкова настойчиво уговаривали: «Оставайтесь, очень нужны специалисты», — но он ответил: «Враг еще не добит, война не кончена», — и заторопился в свою часть. Пройдет много лет, и Нина Леоновна Снежкова положит алые гвоздики на могилу отца, которую польские харцеры отыщут в Тлуще, под Варшавой.

Два миллиона двести тысяч белорусов — каждый четвертый — пали... Тысячи пепелищ оставили фашисты на многострадальной земле.

...Слушая сейчас Снежкову, я мысленно себе представила, какой же страстный, сокрушительный отпор дала она английскому представителю на заседании комитета ООН в 1965 году, когда тот попытался снять с повестки дня вопрос о привлечении к ответственности фашистских палачей и предать забвению их преступления якобы за давностью лет. По предложению члена делегации БССР Снежковой после ее пламенного выступления было принято специальное постановление.

— Наша республика,— продолжала меж тем Нина Леоновна,— выпускает тракторы, большегрузные автомобили, электронно-вычислительные машины. За последние годы созданы мощные индустриальные комплексы в Минске, Могилеве, Новополоцке, Светлогорске... Когда приступали к их формирова-

нию, планы казались нам фантастическими, но все-все свершилось, в полном гармоничном решении производственных и социальных проблем: современные, оснащенные новейшей техникой предприятия, жилые микрорайоны, пансионаты, дворцы...

Брат и сестра Снежковы имеют ко всем этим разительным переменам не косвенное — прямое отношение. Всю свою жизнь, без остатка, до последнего дыхания отдал делу коммунистического строительства партийный секретарь Владимир Снежков: восстанавливал колхозы, строил Василиевскую ГРЭС, участвовал в развитии химии Светлогорска — это по его инициативе город получил такое лучезарное имя. Нашли геологи под Речицей нефть, и он, будучи уже больным человеком, скрыл от всех свой недуг, возглавил горком партии на этом тяжелейшем участке работы. Теперь его именем названа центральная улица города. До сих пор живут в памяти народной рассказы о его необыкновенной доброте и чуткости — видимо, эта черта характера у всех Снежковых фамильная. И до сих пор приходит Снежковым письма, подобные этому: «Дорогая Ниночка! Поздравляю тебя с праздником Победы! Желаю тебе огромного счастья! Пусть никогда не повторится трагедия войны! Пусть всегда будет мир и счастье на земле! Я всегда вспоминаю всю вашу семью с благодарностью за теплоту, доброту, с которой вы ко мне относились. Я счастлива, что мне пришлось работать с Володей, дружить с тобой и вообще с вашей семьей. В те далекие тяжелые годы я встретила в лице вашей семьи настоящих людей...»

Снежкова была в то время секретарем Могилевского обкома партии, много сил отдавала комбинату синтетического волокна, который тогда строился. Планы действительно были фантастическими: первая очередь комбината должна была дать 50 тысяч тонн синтетического волокна в год, и это в то время, когда во всем Советском Союзе производили только 11 тысяч тонн. С вводом третьей очереди его мощность составит 210 тысяч тонн в год. Один за другим вступали в строй цеха, а Снежкова торопила строителей: «Сдавайте побыстрее больницу, кинотеатр, пионерлагерь. Школы, школы готовы к сентябрю!..»

— Отдельная экспозиция отразит успехи народного образования в республике. Не могу удержаться, чтоб не привести несколько примеров.— Докладчица улыбнулась и развела руками.— До революции в Белоруссии из каждых десяти человек только двое умели читать, а если брать женщин, то из десяти только одна была грамотной. Сегодня мы завершаем переход к всеобщему среднему образованию: девяносто семь процентов восьмиклассников продолжают учиться в средних школах, тех-

никумах и профессионально-технических училищах, дающих среднее образование.

Цифры в ее устах звучали не сухой арифметикой, а победной песней — вся она светилась, будто горела изнутри.

Я как-то спросила у нее: сама ли она выбирала в жизни дорогу или кто-либо вел ее, советовал?

— Я, вероятно, родилась в сорочке, — ответила Нина Леонвна. — Потому что мне всегда встречались очень хорошие люди. Один настоял на том, чтобы я поступила в педучилище, это был секретарь Ветского райкома партии, где я работала техническим секретарем. Другой заставил меня поступить в университет, а ведь я совсем было собралась уехать на Сахалин. Это был директор училища. Он тайком от меня отправил мои документы, училище я окончила на «отлично» и вдруг получаю вызов из Минска: «зачислена без экзаменов». А на учебу в Высшую партийную школу в Москву послала партия... Для человека, вступающего в жизнь, очень важно смолodu верно определиться. Очень правильно, что сейчас много внимания уделяется профессиональной ориентации школьников. Вы не видели наши учебно-производственные комбинаты и кабинеты профориентации?

Будучи в Минске, я поехала на улицу Пушкина, широкую, как проспект. За красивой металлической оградой аккуратное, светлое здание. Директор показывал мне прекрасно оборудованные мастерские и классы, столовую, актовЫй и спортивный залы, выставки ученических работ и изделий, которые выпускаются предприятиями района. Сюда ученики девятнадцати школ приходят раз в неделю. В течение двух лет они могут освоить любую из двенадцати профессий: станочника, машинистки, швеи, водителя автомобиля, чертежника — выбирай, что душе угодно, предварительно, конечно, посоветовавшись с родителями, педагогами, врачами.

Директор рассказывал, как этот комбинат рождался из старой и маленькой, не приспособленной для мастерских школы, как заместитель председателя Совета Министров Снежкова буквально глаз с него не спускала и оказывала немедленную во всем помощь. А я вспомнила, что в городе создавалось одновременно несколько таких комбинатов, да еще в других городах республики, и все были в поле ее зрения. В апреле она сама пришла в день субботника со своими помощниками на Пушкинскую улицу...

Также горячо принимала к сердцу Снежкова сооружение монументального памятника Матери-патриотке в Жудино, мемориала Янке Купале в Вязанке, строительство Дома учителя в Минске, Дворца культуры в колхозе «Рассвет», госпиталя

для инвалидов Великой Отечественной войны... А теперь с неменьшей напористостью держит под неусыпным контролем строительство детских дошкольных учреждений, профессионально-технических училищ, особенно для села.

В прошлом году строители не справились со своим заданием. Обычно их отчеты слушали в конце года. Теперь ход строительства рассматривается в Совете Министров каждый месяц.

— Мы поставили в республике такую задачу: все детские сады сдать досрочно, к ноябрю, это будет подарком и детям и матерям к великому нашему празднику, — говорила она мне.

Вот какие ассоциации вызвала у меня речь Снежковой в конференц-зале ВДНХ. Но позволю себе еще одно отступление.

Последние слова оратора касались показа технического и художественного творчества, приезда осенью в Москву таких прославленных коллективов, как «Песняры», «Хорошки», оркестр цимбалистов... Если в многоотраслевом спектре вопросов, которыми занимается член правительства Снежкова, все, что связано с детьми, школами, обучением, — главная, так сказать, ее забота, то к искусству, в том числе и к художественной самодеятельности, она питает особую слабость, это ее большое увлечение.

В первый день моего приезда в Минск проходило заседание Оргкомитета по проведению в Белоруссии Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества. Надо было видеть, как вела это заседание Снежкова, председатель оргкомитета: часто это был доверительный диалог выступавшего и председателя, досконально знающего дело и людей. «Не далеки ли они от народного искусства?» — усомнилась она по поводу «Цибульки» — коллектива минской овощной фабрики. «Смотрите — не перегрузите трюками циркачей, ведь это же еще, по существу, дети». «А где хор доярок?» «У них прекрасные голоса, они так поют песни Массалитинова. Оденьте их как следует! Подберите с художниками костюмы. Комбинат декоративного искусства у нас прекрасный — на два с половиной миллиона рублей в год дает продукции. Обратитесь к нему. Надо подготовить и издать альбомы костюмов»... «Чтецов очень мало на смотрах было. Тут требуется индивидуальная работа с каждым исполнителем. Надо со школьной скамьи воспитывать любовь к художественному чтению».

С неменьшим воодушевлением она руководит республиканским комитетом Совета народных университетов, используя свой богатый опыт, приобретенный за годы работы во Всесоюзном обществе «Знание» в Москве, заместителем председателя которого была; возглавляет Президиум республиканского

общества по охране памятников культуры и комиссию по делам несовершеннолетних.

Мы сидели с Ниной Леоновной в ложе минской филармонии. Шел концерт. Программу вела молоденькая изящная женщина:

— А зовемся мы «Хорошки»...

— Что такое «Хорошки»? — тихонько спросила я Нину Леоновну.

— Есть такое село на Могилевщине,— так же шепотом ответила Снежкова.— Как-то на областной смотр из этих самых Хорошек приехали восемь старух и один мужичок. Мы еще скептически посмотрели на них, я тогда в обкоме работала. Ну, как их, таких, выпускать на сцену? А они вдруг затеяли такую веселую, смешную пляску! После смотра молодой хореограф Валентина Дудченко со своим мужем отправились по районам и селам, стали выискивать и записывать мелодии и танцы самобытного народного искусства. Из самодеятельных коллективов отбирали лучших исполнителей... Теперь все они уже профессионалы. Обратите внимание на самого маленького танцора в желтом сюртуке и черной шапочке... Знаете, кем он был? Кочегаром на могилевском заводе. Ах, как он пляшет!!

— А эта милая конференсье откуда?

— Тамара Мергурьева? О, это целая история. Я заметила ее, когда она училась в школе. Мы тогда затеяли конкурс детской самодеятельности. Тамара очень хорошо читала стихи. Потом поступила в пединститут. Прошло несколько лет, и однажды она сама, когда я работала уже здесь, в Совете Министров, позвонила. Я стала расспрашивать, как она живет, чем занимается. Оказалось, что после института работает в таком месте, что ей совершенно невозможно проявить свои способности. Я позвонила министру культуры, в филармонию. Тамару пригласили. Здесь, в филармонии, она нашла свое призвание.

— А вы сами, Нина Леоновна, не участвовали в художественной самодеятельности?

— Это так давно было, в школе, потом в училище. Я очень любила читать стихи на утренниках и вечерах. Да и сейчас, пожалуй, могла бы прочесть всего «Мцыри» или «Курган» Янки Купалы...

Позже, в тихом номере московской гостиницы, после заседания на ВДНХ—оставался какой-то час до отъезда на вокзал — я услышала, как она читает монолог Олега Кошевого о своей матери...

«— Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете...»

Я боялась пошевелиться, помешать нечаянным движением... Не государственный, умудренный опытом деятель сидел передо мной, а юная девушка в кофточке с белыми горохами...

— «Прости меня, потому что ты одна, только ты одна на свете можешь прощать, положи на голову руки, как в детстве, прости...»

Так же неожиданно, как начала этот монолог, Нина Леонова сказала:

— Вот о ком надо писать, об Анне Снежковой, нашей матери. Она — святая женщина. Всех нас подняла, всех воспитала! О матерях наших надо писать!

Она встала с кресла:

— Ну, что ж, пора в дорогу!

Открыла полупустой свой чемоданчик и уложила в него целый ворох ярких, легких погремушек.

Я знала, для кого они: для Кати, первой внучки.

ИСКУССТВО ЖИТЬ

Не скрою, для людей, не знакомых с Григорием Яковлевичем Горбанем, награждение его второй золотой медалью «Серп и Молот» явилось некоторой неожиданностью. Ну, если б это был Виктор Никитенко, сталевар из Макеевки, о рекордах которого часто пишут газеты, или кто-то из Магнитки с Череповецкого или Ново-Липецкого заводов, тогда бы другое дело... А то вдруг город Жданов, «Азовсталь», не избалованное репортерским вниманием имя... и обладатель его — первый из металлургов дважды...

Естественно, я готовилась к встрече с Горбанем с повышенным интересом. Обдумала уйму вопросов, которые собралась задавать, но получилось все не по моему плану. В день приезда Горбаня в городе не оказалось, вызвали его в Донецк, на совещание передовиков Донбасса. А я на этот день рассчитывала: был он у него свободным, пересменка. Потом он полусерьезно посетует по этому поводу: «На мой выходной всегда какое-нибудь мероприятие намечается. Я позабыл, когда море видел».

Море — вот оно, близко, совсем рядышком с заводом, всего в нескольких автобусных остановках, манящее, ласковое, теплое Азовское море. Чайками скользят яхты. Причаливают теплоходы. Ленивыми пингвинами застыли в отдалении рыбаки, а рыбалка — узнала я потом — любимое занятие моего героя.

Вдосталь налюбовавшись этакой красотей, надышавшись вольным морским воздухом, я поднялась крутой, почти такой же высокой, как в Одессе, парадной лестницей. Несколькo лет назад, в мой прошлый приезд на «Азовсталь», ее еще не было. До заводской гостиницы решила пройти пешком. Утопающая в зелени курортная улица вывела на площадь. Под сенью акаций — памятник Ленину. Напротив — галерея портретов крупным планом. Лучшие люди района, его гордость. Внимание привлек крайний портрет, справа. Еще подумала: какое значительное, интеллигентное, полное достоинства и внутренней силы лицо. Высоченный, с зальсынами лоб, зоркие, в прищуре глаза, как у человека, привыкшего смотреть вдаль, на яркий свет, крупные волевые черты. Кто же это?

Еще пару шагов навстречу. Теперь различимы две звезды на лацкане пиджака, значок лауреата, подпись: почетный металлург Г. Я. Горбань. Вот он какой!

А встретил он меня просто, так, как будто были сто лет знакомы:

— Я же говорил: стойте у «Эстафеты» — магазина, что напротив нашего дома, а вы пошли зачем-то вниз, пересекли улицу, повернули направо, потом обратно... Я сразу угадал вас, но не мог понять, зачем вы делаете такие зигзаги.

В спортивном костюме, ловко облегающем его высокую атлетическую фигуру, он быстрым, пружинящим шагом шел впереди, указывая дорогу.

— Вовка! — выдохнул он, когда в прихожей бросился к нему длинный тонкий парень в матроске. — Как же это я тебя просмотрел? — Горбань сжал в своих мощных объятиях сына. — А мы с матерью тебя третьего дня ждали, все пироги уже съели.

Отстранился, отошел на шаг, осмотрел с головы до ног, остался доволен:

— Вон какой вымахал!

Услышав голоса из приоткрытой в гостиную двери, удивился:

— Да ты не один? Пошли тогда на кухню. Мать сегодня поздно работает.

Пока отец хлопотал у плиты, разогревая ужин, я разговорилась с Володинами товарищами — курсантами Одесского высшего инженерно-мореходного училища. Перешли уже на третий курс. Первая практика как раз тут, в Жданове. Генка, брат Вовки, прямо из Одессы полетел на Тикси, сам попросился, влечет его Север. Генка и Вовка — близнецы. Школу кончали вместе. И в мореходку поехали поступать в одно лето. И оба не прошли по конкурсу. Вернулись в Жданов, поработали год

на судоремонтном заводе — и снова пытаться счастье в Одессу. Влюблены в море с детства. Как же, отец, можно сказать, с пеленок приучил к нему. Законно приучил — сам по военной профессии моряк, водолаз. Один из дедов, которого они и не видели в своей жизни — рано умер от ран, полученных на войне, — тоже был моряком, машинистом траулера. Так что тяга к морю у Горбаней-младших передалась с генами по наследству.

Когда все поужинали и молодежь прочно «заякорилась» у телевизора, мы удалились с главой семейства в его кабинет. Большая угловая комната. Полки с книгами. Письменный стол, заваленный книгами, еще один стол посередине, на нем тоже книги. Они тут везде. Классика. Современные. Политическая литература. Философская.

— Так с чего начинать?

Григорий Яковлевич стоит у распахнутого в июльский вечер окна. Резвый ветер играет белыми шелковыми шторами, швыряет в комнату волны аромата — цветут каштаны и жасмин.

— С самого начала, с детства.

— Раннее детство мое — золотое жужжание пчел на пасеке, запах меда, рамы с сотами в хате. Профессия у отца была самая тихая — пчеловод. Он работал инструктором по пчеловодству райземотдела. В 1932 году, как раз когда я родился, жили мы в Володарском — селе в километрах двадцати пяти от Мариуполя. Так вот, отец научил меня не бояться пчел, и я свободно мог подходить к ульям и помогать ему. Другое воспоминание детства связано с тюлькой. Но тогда уже не было у нас в доме пчел и не было отца: пошел воевать.

Как коммунист, добровольцем начал он еще в финскую, на Карельском перешейке. Тогда Якову Степановичу отчаянно не повезло: гусеницей танка отдалило правую ногу. Попал надолго в госпиталь. Получилось, что с финской вернулся прямо перед самой Великой Отечественной и не домой, а в Жданов, на переподготовку, был артиллеристом-наводчиком. А потом снова фронт. Так и не пожил дома, с нами, детьми. Вот тогда — мне еще и восьми лет не было — оборвалось мое счастливое детство, можно сказать, начисто зачеркнула его война.

Григорий Яковлевич достал сигарету и зажег, закурил:

— Никогда не забуду, как я жег отцовы книги. А была у него главным образом партийная литература. Хотя образование у него было невысокое, всего три класса церковно-приходской школы, но человек он был начитанный. Фашисты оккупировали Мариуполь, вот-вот могли вернуться в наше село. Мать боялась, что кто-нибудь укажет на нас, семью большевика... Так

мне жалко было «Кобзаря». Такой он был красивый, с картинками...

На высоком лбу Горбаня резко обозначились складки.

— Отца нашли мы с женой моей, Еленой Ивановной, тридцать лет спустя, когда были в Венгрии. Скончался в полевом госпитале в январе сорок пятого. Позже прах его был перенесен на кладбище Чепеля, в предместье Будапешта. Мы стояли у его могилы с венгерскими товарищами. Аккуратный холм, живые цветы и доска из нержавеющей стали, на которой русскими буквами выбита фамилия. Металлурги «Красного Чепеля» старались, сами того не зная, что сын погибшего за их родину советского солдата — сталевар.

— А тюлька, о которой вы обмолвились? О чем она вам напомнила?

— Если бы не тюлька, мы бы умерли с голоду. Выручила родная азовская рыбешка, кормилица. Сколько я перетаскал ее тогда на своем горбу в свои десять неполных лет! Бывало, разбудит мать на рассвете, наденет отцовскую фуфайку, даст трешку и говорит: «Иди, сынка, до городу, тюльки купи». Ведро тюльки сколько весит, знаете? Килограммов шесть. Двадцать километров туда и двадцать обратно. Раскисла от дождя дорога, упадешь, и никакой тюльки тебе уже не хочется...

Григорий Яковлевич достал еще одну сигарету.

— Как дальше складывалась ваша биография?

— Нелегко. Вообще легкой жизни у меня никогда не было и нет. Ни теперь, ни тогда. В школе недоучился, чтоб не быть у матери лишним ртом, пошел в ремесленное, потом «Азовсталь». Помощник машиниста паровоза. Возили слитки от цеха к цеху. А я все интересовался, как эти слитки получаются. Призвали на действительную, попал во флот на четыре года. Школу военных водолазов на Балтике кончал. И сразу Днепр.

Чистили дно, подводными саперами стали. Попадались корабельные снасти и лопасти турбин, обломки самолетных крыльев, снаряды и бомбы, в которых жила еще смерть. Все было!

Наконец, вернулся на «Азовсталь». Вы не представляете, как мне хотелось учиться! Работа на паровозе не позволяла — у железнодорожников была полуторасменка. Тогда я подался в мартеновский, на печи. Произошло это 9 февраля 1955 года. Вот видите, как врезалась в память та дата — рубеж в моей жизни. Там и по сей день. Через несколько месяцев попал в подручные к коммунисту Николаю Переверзеву, только что вернушемуся из Польши. В Новой Гуте он помогал польским металлургам осваивать советское оборудование. Николай Васильевич Переверзев — с тех пор мы с ним друзья и кумовья-

ми стали, когда подросли дети, — мой наставник, большой мастер нашего дела. Я у него прошел прекрасную школу сталеварения. Переверзева избирали делегатом XXI съезда КПСС, в том году он и меня рекомендовал в партию. А в металлургический техникум я поступил в том же 1955 году, на вечернее отделение, вместе с Лелей, молодой женой. Она в нашем цехе лаборанткой работала, определяла состав плавки.

Так Горбаню одновременно пришлось постигать три школы: первую — освоения профессии на «Азовстали», вторую — овладения наукой, теорией в техникуме, третью — школу отцовства, дома. Только перешли они с Еленой на второй курс, как родилась девочка. Викторией назвали ее в честь великой Победы. Забегая вперед, скажу, что ныне она кончает философский факультет университета. Недавно дочку родила.

Училась чета Горбаней на третьем курсе — появились на свет близнецы, Вова и Гена, будущие мореходы. Вот тогда и узнала молодая семья, почему фунт лиха! Помогать управляться с малышами было некому — Елена росла без родителей, рано осиротела; Ефросиньи Тимофеевны, матери Григория, тоже уже не стало. К тому же и жилья по-настоящему они не имели: комнатенка в коммунальной квартире. Одна на пятерых...

Елена взяла академический отпуск.

Григорию приходилось туго. Весна, на носу экзамены. Готовился на ходу, использовал каждую свободную минуту. Бывало, придет на смену, стоит у печи, следит за состоянием подколечного пространства и повторяет про себя формулы. Особенно трудно запоминались ему стихи.

...Но человека человек

Послал к анчару властным взглядом...

А что дальше? Ну, хоть убей, не вспомнить!

Но тут неизменно оказывался рядом Саня Маслянский, друг закадычный. Строчки отпечатывались в его подкорке с первого прочтения. Не память — линотип. Он и сам стихи тайно сочинял.

...И тот послушно в путь потек,
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями, —

подсказывал Саня, и Гриша включался:

И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями...

«Пот» — это дело знакомое. Как только выбухнет пламя из под заслонки печной — заструится, никуда не денешься...

И все же, как ни тяжело было,—пересилили Горбани все трудности, поборол все невзгоды. Техникум окончили и защитились оба; раньше Григорий, потом Елена.

Но вот что самое удивительное и замечательное в биографии Григория Яковлевича. Казалось бы, эти годы, потребовавшие высочайшего напряжения физических и духовных сил, начисто отобьют у него охоту к учебе. Ничего подобного не случилось! Пройдет десять лет, и Горбань снова засядет за учебники и именно в той области, которая труднее всего давалась ему,—гуманитарной.

С яростным желанием наверстать упущенное, с напористостью и собранностью не меньшей, чем в юности, начнет вгрызаться он, уже будучи членом ЦК КПУ, а потом и членом ЦК КПСС, в философский камень, постигать общественно-политические науки, окончит, не расставаясь ни на день с мартемом, Высшую партийную школу. В постоянной тяге к знаниям, самосовершенствовании раскрывается незаурядная личность передового рабочего, его, если хотите, искусство жить. Потому и на производстве Горбань пошел не проторенным, а своеобразным путем.

— Есть звезды, которые молниеносно и ослепительно вспыхивают, а потом так же быстро затухают, не оставляя и следа. Бригада Горбаня — не быстро восходящая звезда,—говорили мне в парткоме завода. — Она довольно долго и не легко шла к признанию, шаг за шагом, год за годом упорно продвигаясь вперед. Что характерно для нее? Постоянство и равномерность производственного роста. Стабильность... рота!

— Всю восьмую пятилетку бригада Горбаня прошла ровно, ритмично, изо дня в день наращивая темп,— продолжал, развивая эту же мысль, бывший наставник Горбаня, а теперь заместитель начальника цеха Николай Васильевич Переверзев.— Четкость, отработанность каждой операции — доводки, полировки — в этом его стиль, или почерк, называйте как хотите. За рекордами он не гонится. Фейерверков у него не было, но никогда не было и провалов, падений.

Если изображать его работу графически, то это не синусоида, а гипотенуза, смотрящая вверх. Неуклонно вверх. По цеху средняя за смену выплавка стали — 250, у него — 260; по цеху — 300, у него — 310; тепличных, оранжерейных условий, однако, мы ему не создаем. Получает шихту в таком же количестве и такого же качества, как у соседа. Одинаково и строго по очереди, без всяких привилегий.

За восьмую пятилетку он получил первую звездочку. Коммунисты области избрали Горбаня делегатом XXIV съезда КПСС.

— Началась девятая пятилетка. Как тут развернулся Григорий Яковлевич? — продолжал Переверзев. — Поставил перед своими ребятами новую задачу: работать только по заказам и давать сталь высокого качества. Скажу вам честно: очень трудная это задача. Когда я был сталеваром, мы тоже боролись вместе с тем же Гришей за сталь отличного качества. А он добавил еще к этому небольшое, кажется, уточнение: «Только по заказам». Сопоставьте: сталевары Южного Урала Михаил Ильин и Петр Сатанин когда еще только к этому придут? В десятой пятилетке. Об их почине я читал в «Правде» сравнительно недавно, дай бог памяти... Когда же это было? Вспомнил. В 1977 году. А Гриша начал это дело шесть лет назад.

Подвели мы итоги, увидели: работает девятая печь лишь по заказам. Самая высокая стойкость сводов у нее. Самые короткие плавки опять же у Горбаня. И больше всего металла дает именно эта, девятая печь. Качественного металла. Без брака. В этой графе — нули. Вот за такой труд вручена Горбаню вторая Звезда Героя. Горжусь своим учеником!

Владимир Александрович Любимов, начальник технического отдела «Азовстали», вооружил меня картой, позволяющей проникнуть в лабораторию стабильности роста бригады Горбаня. В ней с точностью до десятых долей минут зафиксирован весь технологический процесс плавки. Для несведущего человека описание покажется скучным. Ну что такое, например, совмещение выпуска металла и частичной заправки печи? Специалисту же раскрывается в этой фразе многое. Можно же работать так: сначала выпустить металл, а потом спокойно заправлять заднюю стенку и откосы, и никто не упрекнет за это сталевара. Горбань, экономя время, совмещает то и другое; не успев выпустить металл, а уже готовится к следующей плавке и сокращает со своими подручными заправку печи на 0,02 часа.

Я перевожу две сотых часа в минуты. Боже мой, ведь это же всего чуть больше одной минуты! Мизер! Но именно в этом раскрывается еще одна черта характера Горбаня — собранность, внутренняя дисциплина, умение организовать труд. Тут уже сказывается культура, грамотность сталеплавильщика, его высокий профессионализм. Как-никак двадцать пять лет бессменной вахты у мартена!

Как-то я спросила Григория Яковлевича: не возникало ли у него чувство усталости от работы, на первый взгляд, повторяющейся из года в год, когда каждый день одно и то же?

— А вам не надоело заниматься журналистикой? — неожиданно парировал он. — Говорите, что каждый человек, о котором вы пишете, неповторим? У нас, представьте себе, и двух равных плавок не бывает, — одинаковых хотя бы по одному химическому анализу. Это подстегивает нас, держит все время в напряжении, заставляет думать и волноваться. Должен сказать, что работать становится с каждым годом труднее. И не потому, что растут планы и требования. Знаете, чем больше человек начинает понимать и разбираться, тем сложнее ему во всем — и работать и жить. Вот вам и диалектика.

Посмотрела на него сбоку: красивый, большой человек с двумя звездами, горевшими на его груди. Идет по улице — на него оглядываются. И подумала: каким изобразят его скульпторы? В таком парадном костюме или в суконной робе и каске со шитком? А ведь обязательно изобразят!

В металлургическом городе Жданове уже был воздвигнут одному сталевару памятник — легендарному Макару Мазаю. Теперь здесь в бронзе будут навечно запечатлены черты другого сталевара, Григория Горбаня.

ВАЛЯ-ВАЛЕНТИНА

Автобусы один за другим подкатывали к подъезду гостиницы. Я всматривалась в лица всех женщин в красном. Может быть, эта наконец? Нет, прошла мимо, не взглянув в мою сторону. И вдруг из автобуса не вышла, а легко выпорхнула стройная женщина с охапкой алых гвоздик. Высоким ли лбом, прической, светлыми ли глазами северянки она мне напомнила кого-то, но кого именно, я в тот момент решить не успела. Присмотревшись секунду-другую и улыбаясь одними глазами, она уверенно пошла мне навстречу.

— Книгами не интересуетесь? — И увлекла к киоску. А потом наверху, у себя в номере гостиницы, поровну разделила гвоздики. — Возьмите себе! Куда мне так много? Да вы раздевайтесь! Пальто вот сюда. — Открыла шкаф, сверкнувший чем-то пронзительно-белым.

— Это тот самый костюм?

— Тот. Как сказали мне, чтоб приготовилась к выступлению, так я его и решила надеть. Больно уж хорошо мне белое. Женщины обступили: «Ты в нем, как лебедушка».

— А ведь так все и вышло! — Я развернула свежий номер газеты с фотографиями, обошедшими всю прессу. Вот она, Валентина Плетнева, сидит в первом ряду президиума рядом

с секретарем ВЦСПС Александрой Бирюковой и знатным строителем Николаем Злобиным.

— Ой, не говорите! А потом я еще выступала в тот день. Николай,— это она про Злобина,— и Постников, знаете, сталевар с «Электростали», и ивановские, да и все наши поздравляли меня. Такая я счастливая!

Договорить, однако, нам ни в тот вечер, ни в последующие не пришлось. Но решили, что я обязательно приеду в Кострому.

— Если я припоздаю, ждите. А еще давайте по-простому — Валя и все,— попросила она.

...Ее слава. Если измерять наградами, то она пришла к Плетневой в шестидесятом году с Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. В ее жизни тогда настал момент, когда, казалось, можно задержаться, чуть-чуть приостановиться, передохнуть. Было на то у нее моральное право: родился Витя, второе, как она его называет, чадо, первому сыну шел тогда восьмой год. Помогать Вале было некому: она росла сиротой. Мать умерла, когда девочке было всего пять лет. Отца лишилась в десять: погиб в сорок втором году в боях за Москву. Вале было нелегко. Жила у старенькой бабки, потом школа ФЗУ и комбинат, который заменил ей дом и родных... Но именно с того, шестидесятого года жизнь Валентины пошла еще более крутыми ступенями вверх, все выше и выше. Ступенями пятилеток. Костромичи избрали свою землячку депутатом Верховного Совета Российской Федерации, и теперь она депутат третьего созыва подряд. В девятой пятилетке ей присудили Государственную премию. В десятой она уже успела получить приз в соревновании за победу с лучшими ткачихами страны. Но, пожалуй, для раскрытия характера героини нелишне узнать, как это случилось. И тут мне придется рассказать о другой, не менее знатной ткачихе, Герое Социалистического Труда, лауреате Государственной премии Алевтине Смирновой. Дело в том, что обе эти достойные, известные женщины — давние подруги и... соперницы.

Подружил их лен, тонконогое растение с голубым нежным цветком. Обе ткачихи — мастерицы высшего класса по изготовлению льняных тканей. И живут, можно сказать, рядышком. Ивановский Приволжск, где находится Яковлевский комбинат, на котором работает Смирнова, расположен километрах в пятидесяти от Костромы. И в гостях у Плетневой Смирнова была, и опытом делятся. Одна другую подбадривает и поздравляет с успехами.

В 1971 году Смирнова выступала на XXIV съезде КПСС. Плетнева тоже была делегатом и слушала ее с большим внима-

нием. Хорошо говорила Алевтина о своем льняном городке, о товарищах по работе. Ну, а каковы личные обязательства Смирновой? Скажет она о них или нет? Сказала: «Думаю справиться с пятилетним планом за четыре года». «У меня тоже получится», — прикинула Валентина.

Однако вскоре замыслы наших соперниц опрокинула не ткачиха, а прядильщица. Да как! Всколыхнула, можно сказать, не только текстильную — всю легкую индустрию! Фурмановская прядильщица Елена Амосова дала слово за одну пятилетку выполнить две. И что тогда началось! Какие закипели страсти! «Две в одну!» — подхватила почин Алевтина Смирнова. «И я не отстану! Ни за что!» — с задором бросила подругам Валентина Плетнева. Будто в небе столкнулись, высекая молнии, высокие кучевые облака, и эхо покатилося по всей стране. Москвичка Валентина Бобкова, киевлянка Тамара Быченко, Елена Маркевичене из Каунаса, Зоя Сафонова из Красноярска, Римма Гаврилова из Вязников... Имена, имена... Десятки, сотни, тысячи ткачих, прядильщиц, швей, трикотажниц, обувщиц изыскивали резервы, переходили на новые позиции.

— Я беру на пять лет десять годовых норм. Поспорим, Валя?

— Давай, давай поспорим! Согласна! — приняла вызов Смирновой Плетнева.

Разве она отступит? Никогда!

В преддверии XXV съезда КПСС четырнадцать знатных ткачих страны — специалисток по льну, хлопку и шелку — подписали договор о социалистическом соревновании. А в феврале Валентина смогла рапортовать о выполнении трех годовых планов и объявила о своем решении выполнить к 1980 году еще десять годовых личных заданий.

Валентина Николаевна приехала домой к вечеру. Усталая, но все еще в приподнятом, праздничном настроении. Пока Витя, девятиклассник, выкладывал из чемодана книги («Фантастику купила?»), мать, облачившись в ситцевый халатик, бросилась к телефону.

— Фаина Борисовна? Здравствуйте! Как выступила? Все, все расскажу во вторник. Нет, завтра я работаю, а во вторник — выходной.

— Но ведь завтра воскресенье, — заметила я, когда Валя положила трубку.

— А мне метры надо давать. Все учтено до самого ноября. Дело в том, что теперь мне придется выезжать на пленумы

ВЦСПС. Получится у меня непредусмотренный, так сказать, простой. Надо его заранее отработать.

— Чай готов! — Витя расставил чашки, достал варенье. Валентина Николаевна, пока остывает чай, быстро, по привычке — так она, вероятно, делает всегда перед уходом на смену — просматривает местные газеты. Сосредоточилась, прикусила нижнюю губу и снова стала похожей на кого-то. Потом, когда мы, уютно устроившись на диване в гостиной, перебирали ворох фотографий и мне на глаза попался один прекрасно сделанный портрет хозяйки дома, я поняла, на кого: на Валентину Николаеву-Терешкову. Да, что-то есть общее в их облике. Кстати, и портрет Терешковой в скафандре тоже был здесь, с дарственной надписью тезке и самыми лучшими пожеланиями ей.

Когда я сказала о своем наблюдении Вале, она улыбнулась: «Иногда нас даже путают. На одной встрече меня назвали ее именем-отчеством». Впрочем, задумалась я, тут не только внешнее сходство. Обе волжанки, обе одинаково начинали в юности. До того, как стать летчиком-космонавтом, Терешкова какое-то время работала на комбинате технических тканей в Ярославле и училась в техникуме легкой промышленности. Только одна Валентина устремилась в небо, а другая нашла свой, не менее почетный, тоже звездный путь на земле.

— Это вы где, не в Японии? — обратила я внимание на цветную фотографию с иероглифами.

— Была. Насмотрелась. Тяжело там работнице. Бесправие. Поступая на завод, девушка дает расписку, что, если выйдет замуж или заведет ребенка, будет уволена. На электротехнических предприятиях только до тридцати пяти лет держат. Потом иди на все четыре стороны... Вот в социалистических странах мне очень понравилось. Были мы в Болгарии. Самоков и наша Кострома — города-побратимы. Другари пригласили нас, а мы, костромичи, взяли в свою компанию Алю Смирнову, Марию Иванникову и Майю Капусто из Риги. Я была руководителем делегации. Мы разделились и разъехались по текстильным городам. Работали на станках рядом с болгарскими ткачихами. Они нас принимали, как сестер. Под конец все члены нашей делегации съехались на Шипке. Поклонились мы памятнику русским и болгарским воинам, цветы возложили. С тех пор нас в Болгарии не забывают.

Валентина встала, подала с письменного стола телеграмму.

— Перед самым отъездом в Москву получила оттуда.

«Дорогая Валентина, с радостью узнали о вашем успехе. Сердечно поздравляем вас, желаем здоровья, больших успехов

в труде, счастья. Городской комитет партии, секретарь Петр Виденов. Совет депутатов трудящихся, председатель Методий Паунов».

Сбросив тапочки, она ходила по ковру, расставляла на полках книги, чуть пританцовывая и играя руками, напевала:

Я на Волге родилась,
С ней сугубо связана.
Чистым русским говорком
Волге я обязана.

Голос у нее приятный, низкий, грудной. Я пожалела, что не видела ее, когда она, как рассказывали, пела эту свою любимую костромскую в гостинице, за ужином:

Говорю, чуть окая.
Такая уж привычка.
Ну и что ж? Я ведь все ж
Ко-стро-мич-ка!

А потом плясала цыганочку. И современные танцы с Валентиной Гагановой. Ивановские делегаты, сидевшие за соседними столиками, повставали со своих мест: «Она у вас не только работать умеет, но и петь и плясать! Солистка!»

На другой день Плетнева была уже обычная, будничная. Сына послала в магазин, муж ушел в гараж к «Жигулям», там у них погреб с соленьями. С утра без конца звонил телефон, заглядывали соседки — все хотели видеть ее, узнать московские новости, но она успела и порядок навести, и постирать кое-что, и обед сготовить. И все получалось у нее легко и ладно, как бы между прочим, будто не это важно для нее и самое главное еще впереди. До начала смены оставалось часа два с лишним, ехать до комбината совсем недолго, но ею уже овладевали озабоченность и нетерпение. Она то цветы поливала, то переставляла зачем-то стулья. Чувствовалось, что без меня она давно бы убежала. Помучившись так еще с полчаса, Валя вскочила:

— Куда это запропастилась моя шапка?

Не успела я опомниться, как мы уже спускались с ней по лестнице — лифта не дождалась. Чтоб срезать угол, она шла не по улице, а какими-то проходными дворами, и я еле поспевала за ней. «Четверка» на остановке будто поджидала нас. Троллейбус пришел полупустой — воскресенье, полдень, но Плетневу отгородили от меня какие-то женщины: «Валя? Приехала? Ну, как там?» Ответа я не слышала. Ответ прочла — он плыл кумачовыми буквами на лозунге вдоль улицы и был

посвящен почину Плетневой. На проспекте Текстильщиков снова с ней встреча: Валентина собственной персоной открывает галерею передовиков. И в цехе на стене ее портрет: «Здесь работает мастер золотые руки Герой Социалистического Труда...» А под портретом ее обязательства и технико-нормативные расчеты. Словом, каждый шаг, вся жизнь ее на виду!

Цех дышал парным теплом, оглушительно грохотал десятками автоматов. Между станками двигались женщины, и я не сразу отыскала среди них Валентину. На ней синий халат, открывающий руки до плеч, пестрая косынка, синие босоножки. Стояла, разговаривала с круглолицей, с деревенским румянцем во всю щеку девушкой. Это о ней, вероятно, Плетнева говорила с трибуны Кремлевского Дворца съездов: «Моя сменщица Светлана Любимцева старается не отставать от меня и тоже работает на одиннадцати станках». Подошел, еще издали приветствуя Плетневу, Анатолий Леонов с инструментальным ящиком в руках. Вдвоем они по-хозяйски осмотрели все станки, потом Плетнева на каждом полотне прочертила свой табельно-расчетный номер и число, день. Смена началась...

Присмотревшись к полотну, которое наматывалось на барабан, я, признаюсь, была разочарована: темное, грубое, самое что ни на есть простое, так называемая бортовка. А я-то ожидала увидеть яркие, тонкие льны... Кто же, казалось, с большим искусством, чем она, способен творить такую красоту?

Мою неосведомленность рассеяла мастер Елена Матвеева.

— Бортовка — самое трудоемкое полотно, — разъясняла она. — Посмотрите, из каких неровных, шершавых, слабых нитей она делается. Из отходов льна! Такая нить очень часто рвется. Чтобы снизить обрывность, повышают влажность и температуру воздуха. Работать в таких условиях нелегко. Ткачихи не любят бортовку, бегут от нее, предпочитают ей платяные ткани с лавсаном. Но ведь бортовка очень нужна! Ни один портной не сошьет без нее приличного костюма. Не подумайте, однако, что Плетнева ткет одну бортовку. Ассортимент меняется. С таким же успехом, без брака — у нее свое личное клеймо — Валентина Николаевна ткет платяные ткани и тонкое полотно.

Оставалось выяснить еще один вопрос, наиглавнейший и первостепеннейший. Каким образом можно выполнить две пятилетки, или тринадцать годовых заданий, — как обязалась, пересмотрев свои возможности, Плетнева — за пять лет?

Что, в сущности, значит: две пятилетки в одну? А вот что: спрессовать два дня в один. Шестнадцать рабочих часов в восемь, два задания в одно. Шахтеры, сталевары, горняки спрес-

совывают в один не только два, а иногда и три, четыре дня. Но это уже не рядовая работа, а рекорд, которому предшествует большая инженерно-организационная подготовка. Рекорд, как правило, еще очень долго остается рекордом — явлением исключительным, хотя и вскрывает новые возможности, прочерчивает тот рубеж, к которому нужно стремиться.

Как же ткачихи и прядильщицы умудряются работать на рекордном, по существу, уровне все время? Не несколько раз в год, а каждый будничный день? За счет чего? Как тут с нормами, не занижены ли?

Когда-то работала Плетнева всего на двух ткацких станках. Тогда это была норма. Время и сноровка сделали свое, в пальцах, что называется, появилась техника, у нее уже были свои приемы, и она постепенно переходила к четырем, шести, восьми станкам. И нормы тоже пересматривались. К концу девятой пятилетки среднетиповая норма по отрасли была 5,2 станка. Это вовсе не мало, особенно для начинающей работницы, и требует старания. Плетнева обслуживала девять-десять станков, но как обслуживала! Все операции выполняла, как и сейчас, сама. У нее не было, как у других ткачих, помощниц-зарядчиц; отрывщица в корпусе одна на 140 станков. Все зависело от нее, Валентины, от ее таланта. Иных женщин высокой темп работы отпугивает, они его не выдерживают, даже меняют профессию, а Плетневой он в самый раз. Ей нравится работать именно в таком энергичном темпе, это у нее от природы, ее главный козырь. Теперь в ее зоне уже одиннадцать автоматов, а иногда, в хорошем настроении, «прихватывает», по ее собственному выражению, и двенадцатый. Вот так и получают два и даже больше рабочих дня в одном. 650 метров полотна вместе 300 по норме за смену.

Сегодня у Валентины Николаевны как раз хорошее настроение. Собранная и вместе с тем удивительно спокойная, с печатью какой-то отрешенности на лице — в эти святые рабочие часы для нее ничего больше на всем свете не существует, — она плавно переходила от станка к станку. На одном заряжала батарею, с другого снимала товар, на третьем заправляла нить основы, и ее пальцы с молниеносной быстротой мелькали среди льняных струн. Потом шла к третьему, четвертому, которые, остановившись, молчали. Они, эти горластые, прожорливые автоматы, были как беспомощные птенцы с раскрытыми клювами и ждали ее нежных и сильных рук. И она порхала среди них, и не было ей ни минуты покоя.

Валентина Николаевна вытерла уголком косынки потное лицо, прислушалась: «Ну, где еще непорядок?»

Про нее говорят: «У нее необыкновенные, быстрые руки»... Это все, конечно, прекрасно. Но еще — а может, прежде всего — надо иметь мужественное сердце, чтоб работать так изо дня в день, из года в год. Мужественное и к тому же доброе сердце, потому что все, что она творит, творит «не для себя — для народа». Так пишут ей, выражая свое восхищение, совершенно незнакомые люди.

ХРАМОВЫ

Это было как сон, приснившийся много-много лет назад и увиденный вдруг наяву с отчетливостью, какой не бывает в самых радужных снах. Все оставалось на прежнем своем месте: заводоуправление, небольшой домик парткома и завкома, фабрика-кухня. И все между тем стало иным. Прежде всего потому, что над зданиями, заслоняя их могучими сросшимися кронами, властно поднялись деревья. И не верилось, что тогда, в сорок третьем, здесь был всего лишь скверик с кустарниками и редкими прутиками тополей. За сквериком, можно сказать, начинался конец света — пустынные окраины. Теперь, плавно обтекая зеленый массив, поток машин струится к проспекту Космонавтов, к новым кварталам огромного района.

Вот и те же самые, до мелочей знакомые деревянные, покрытые коричневой масляной краской, стершиеся по краям ступени. Сколько раз я взбегала по ним на второй этаж, где находилась редакция заводской многотиражки! Ныне весь этаж занял партком завода, Саратовского авиационного завода, строящего пассажирские самолеты «Як-40». Давно я собиралась побывать на этом заводе, давшем мне путевку в журналистику. И вот случилось так, что мои намерения совпали с заданием редакции — написать очерк о рабочей семье.

Мне называли десятки фамилий. Но я остановилась на Храмовых. По многим признакам эта семья показалась мне типичной.

Семья Храмовых типична прежде всего по своему составу: отец, мать, двое детей, старший сын уже женился, живет отдельно. Есть еще бабушка и внук — налицо четыре колена династии. Типична и профессия главы семьи, кстати, одна из самых распространенных и все равно самых дефицитных в стране: Михаил Федорович — токарь, токарь и его младший сын — Виктор. Типична эта семья и по отношению к труду: здесь любят трудиться и умеют ценить труд. Сам Храмов не просто станочник, он токарь высшего разряда, токарь-универсал. Про

таких специалистов самолетостроители торжественно говорят: «Наши асы».

Смотреть, как работает Михаил Федорович, — истинное удовольствие. Вот закрепляет он уже почти готовую сложнейшую деталь. Что только с ней не делали: отливали, растачивали, нарезали зубья, подвергали термической обработке, словом, касались ее уже десятки рабочих рук. Внутри, как планеты по орбитам, будут бегать три зубчатых колесика, и называется деталь «планетарка», или венец, редуктора для очень важного узла в самолете. На венце осталось сделать последние операции. Доверяется это только очень опытному токарю, потому что не дай бог запороть уже готовый венец, в который вложено столько труда!

Михаил Федорович вооружается очками и сразу становится строгим и недоступным. Он весь внимание и сосредоточенность. Начинается проточка наружного диаметра венца, которым он впрессуется в корпус редуктора. При этом очень важно сохранить соосность со средним диаметром шестерен. Нарушится она — значит, уже дефект. А допуск — всего две сотых миллиметра. Величина, не уловимая глазом. Это же авиация.

Но вот, наконец, самое главное сделано. Теперь остается, с точки зрения профессионала, второстепенное — зачистка заусениц и притупление кромки. Чем же он будет работать? Резцом? Нет, он снял им лишь крохотную фаску и отвел суппорт назад. Взял в руки оселок, которым впору затачивать лезвие бритвы, и легонько коснулся им поверхности. Следующий инструмент уже и вовсе не токарный — тончайшая шкурка. Обернул шкуркой напильник и, будто смахивая пыль, прислонил ее к вращающейся детали. Головка венца заиграла, как никелированная. Так художник наносит последние мазки на картину перед тем, как снять ее с мольберта.

Я удивляюсь спокойной смелости, с которой работает Храмов. Какой же нужен безошибочный глаз и какая точная рука, чтобы делать все так уверенно! Уверенность эта не пришла сама собой, она выверена десятилетиями. Тридцать пять лет безотрывно Храмов в этом же цехе, в этом самом отделении. Уверенность эта подкреплена собственным поиском. За каждой новой деталью — приспособления, инструменты, которые он сам придумывает, технологические карты, которые он усовершенствовал. То есть работа не только рук и ума, но и сердца. И нет ей предела и конца. Если надо, придет пораньше, уйдет попозже. Если надо, будет работать и в субботу. Чтоб работать так, мало знать свое дело, надо его любить. Вот тогда-то и начинается то, что отличает самое старательное ремесленничество от подлинного творчества...

Детали от Храмова идут на другие операции или прямо на сборку, минуя контролера. Такое право было предоставлено Михаилу Федоровичу одному из первых на заводе. Тут уместно сказать, что именно самолетостроители выступили инициаторами известного всей стране саратовского почина бездефектной сдачи продукции с первого предъявления. Достаточно вспомнить, какая у них продукция — не тачки же, «Як-40», — чтобы постичь ту меру ответственности, какую они возложили на себя. Сегодня десятки узлов самолета уже имеют заводской Знак качества, и на многих участках не найти контролеров — эта должность упразднена.

За таким же станком, что и у Храмова, крайним от пролета, стоит подросток. В тонких, узких по-девичьи руках — легкая дюралевая деталька. Это младший сын Михаила Федоровича, Виктор, забота и надежда отца. Сам отец привел его сюда и стал первым его наставником. Специально определил в одном ряду с собой, чтоб не только учить, но и видеть и строго спрашивать.

По труду и заработок. Михаил Федорович получает в месяц от трехсот до четырехсот рублей. А бывает и больше. Вот так зарабатывает токарь наивысшей квалификации — не менее иного директора или начальника главка! Есть над чем задуматься нынешним десятиклассникам, выбирающим дорогу в жизни. Возможно, кто-то скажет, что Храмов — счастливое исключение, что у него талант и таких людей единицы. Разумеется, героями становятся не все, но ведь ими и не рождаются! Любопытен в этом отношении диалог с Георгием Петровичем Басовым, секретарем партийной организации цеха № 1, в котором работает Храмов, и я воспроизвожу его полностью.

— Что, у Храмова наивысшая производительность труда и он зарабатывает у вас больше всех?

— Нет. Почему вы так думаете? У Поливоды, это наш ветеран, средний заработок, когда ему подсчитывали недавно для пенсии, получается 396 рублей. Он тоже токарь-универсал. Слесарь Емельянов недавно заработал за месяц 522 рубля. Зарабатывающих около трехсот рублей у нас немало — девятнадцать человек. Это все люди, выполнившие свою девятую пятилетку. Средний же заработок по цеху 140 рублей в месяц, бывает 130, а бывает и 150.

— Почему же тогда именно Храмову присвоили высокое звание Героя Социалистического Труда?

— Золотую Звезду он получил не сейчас, двенадцать лет назад, тогда он шел на уровне рекордов. Вообще Храмов работает очень ровно. Пятилетку выполнил за два с половиной года. Но и это еще не все.

— Что вы имете в виду?

— Как бы сказать пояснее? Критерий геройства у нас, рабочих, определяется не только количеством нормо-часов, выработанных за смену, за месяц, за годы, не только качеством и другими производственными показателями. С героя много спрашивается. Ведь есть же у нас на заводе экстра-специалисты. И немало. Но человек человеку рознь. Подойдет, бывает, к такому «экстра» молодой рабочий, чтоб посмотреть, как он чудодействует, а тот от него ладошкой быстренько и недовольно прикроется. Постоит, постоит паренек и уйдет несолоно хлебавши. А вот у храмовского станка—не замечали?— часто кто-нибудь стоит. И Храмов в минуты отдыха или переналадки обязательно начнет объяснять и показывать. А сколько у него учеников было! Очень многих он вывел в токари. Секретов своих не таит. И не пышет завистью, не держит камня за пазухой, а радуется, если товарищ работает лучше него.

— Это можно рассматривать как индивидуальное качество человека, как его характер...

— Э, нет. Тут я с вами не согласен. Характер надо ломать, если он во вред общему делу, если другим людям здоровье подрывает. От характера все остальное идет. Храмов у нас не только передовой по работе. Он и как депутат облсовета много делает и как член цехового бюро и горкома партии. Я бы сказал, у него полностью коммунистический характер...

Приведу здесь же и высказывание старшего сына Храмова — Евгения:

— У каждого мальчишки был свой идеал. У кого — Чапаев, у кого — Гайдар, у кого — Маресьев. У меня был и есть отец в любом отношении, хотя я в цехе с ним не работал, — у нас разные специальности: я сборщик, электрик. Во-первых, я не помню случая, чтобы отец сидел когда-либо без дела, всегда у него какое-нибудь занятие. Второе. В спорных случаях никогда не кричит и не шумит. Его метод — внушить, не заставить, а внушить! Третье, и самое главное. Характер у него общительный, дружелюбный, с любым человеком, даже совершенно незнакомым, на улице, сразу находит общий язык. При чем настроен всегда доброжелательно. Словом, как теперь говорят, он коммуникабелен.

...Вот сын и подвел черту. Коммуникабельность. Активная способность вступать в контакты, общаться с другими людьми. Та самая грань деятельности человека, на которую философы за последнее время обратили самое пристальное внимание. Храмов наделен ею в полной мере.

- Расскажите, пожалуйста, Евдокия Васильевна, о себе.
- Про что? Может быть, про то, как выходила замуж?
- Хотя бы...

— Тогда придется с самого начала. Училась я в геологоразведочном техникуме, когда началась война. Отца призвали на фронт, потом он погиб. Старший брат учился в летном училище. Младший братишка в школу ходил. На двести граммов хлеба не проживешь. Мама пошла в дворники, зажигалки гасила. А я — на наш завод, тогда комбайновым он назывался.

Рассказывает Евдокия Васильевна, а я вспоминаю свое. Вот так же было и у меня, у миллионов людей моего поколения. Оставляли мы техникумы, школы, институты и шли работать для фронта, во имя победы. Судьба, вернее, война, забросила меня в Саратов. Куда идти? Конечно же, на завод комбайнов. Авиация! Это звучит гордо! И не искушенные в производстве девчонки из местных и эвакуированных табунами валили в отдел кадров, изучали списки, расклеенные по стенам. Со мной приключился тогда конфуз. Прочла я в списке «экспедитор» и подумала: «Что-то связанное, наверное, с экспедициями, вероятно, очень интересная должность». На учетном листке мне ее и записали. Пошла я с этим листком в комсомола, чтоб встать на учет, а там меня на смех подняли: «Ты что, спятил? А знаешь, что делает экспедитор? Развозит на тележке грузы и заготовки...»

— Поставили меня контролером в ОТК, — продолжает Евдокия Васильевна. — Цех шумный, все грохочет вокруг, а я сижу, проверяю. Детальки мелкие, с пуговку, с копейку, одна на другую похожи. Горки деталей.

— Шайбочки, втулки, заклепки, гайки, болты, — вспоминаю я.

— Точно. Так они назывались. С непривычки мельтешит все перед глазами. А упустить ничего нельзя, чтоб все было по размерам. А откуда вы знаете, что они так назывались? — спохватывается вдруг она.

— Скажите, Евдокия Васильевна, в каком цехе вы работали?

— В одиннадцатом. А что?

— И я в одиннадцатом, цех нормалей.

— Да как же это? — всплескивает она руками. — Значит, мы из одного с вами цеха? Вы кем работали? С какого времени?

— С августа сорок первого. Технологом третьего участка. В техбюро еще Сережа Сироткин был, такой худенький, черно-волосый молодой человек. Он сейчас заместитель главного

технолога завода. Помните его? А мастером — Сергей Иванович Горьков, теперь председатель завкома.

— А вы Ионова, начальника ОТК, помните? Ох и сердитый был дядя! Требовательный очень и вспыльчивый. Я от него ревела без конца. Да вы подвигайтесь к столу, сейчас ужинать будем, — засуетилась Евдокия Васильевна.

И потекла у нас беседа, как между старинными, давно не видевшимися приятельницами. Она вспомнила про щели, в которых мы сидели во время воздушных тревог, — фронт продвигался все ближе и ближе к Волге, Сталинградский фронт; про колодки, которыми гремели девчонки по деревянным доскам темного, с низкими потолками корпуса, спешно переоборудованного под цех и совершенно непригодного для станков; про дюралевые самодельные ложки, которые постоянно носили при себе. А я ей по старой привычке, с тех еще пор, вспомнила про «козочек», как мы называли небольшие револьверные станки, на которых работали школьницы.

— Да, кстати, те самые «козочки» живы, трудятся как ни в чем не бывало, — говорю я. — Я была в новом одиннадцатом цехе. Встретила там Елену Лоскутову, револьверщицу, она с тех самых пор работает на «козочках». Увидел меня Фёклин — помните его, он был начальником револьверного отделения, теперь начальник цеха? Представляете, подошел, назвал меня по имени, узнал. Узнал через столько-то лет!

— Нет, Фёклина я не помню. Я ведь недолго работала в одиннадцатом. Попросила, чтобы перевели меня от Ионова в другое место, и попала в первый цех, где Миша был. А вы долго были в одиннадцатом?

— Пока заводской комитет комсомола не выдвинул меня в многотиражку. А все Сережа Сироткин виноват: как секретарь комсомольской организации цеха, поручал писать мне заметки, вот и «дописалась»... Да, так как же вы выходили замуж?

— Перевели меня, значит, в первый цех, где Миша работал. Девчата мне как-то показали его: посмотри, говорят, какой симпатичный парень. Девчатам он нравился, компанейский был, веселый, за словом в карман не лез. Жил Миша в деревне, в двенадцати километрах от завода, за горой. Приносил с собой на завтрак бутылку молока и мешок яблок, угощал нас. Было время голодное, жмыки ели. В сорок втором трамвай не ходили. Миша двенадцать километров зимой топал на завод и двенадцать с завода, каждый день, но носа не вешал. Работал и тогда уже хорошо, на виду был. Нарком еще до войны наградил его значком «Отличник соцсоревнования». Ну, конечно, девчонки бегали за ним. А он взял и пригласил меня на вечер в клуб

на Октябрьскую. С тех пор мы стали дружить, своя компания образовалась. Под конец войны дали мне отпуск, я уехала. Приезжаю, а мне говорят, что Мишу с какой-то девчонкой видели в клубе. Ах, думаю, так? Ну хорошо же! Моряки как раз в то время приехали погостить. Знакомство завязалось. Миша подлетает ко мне и спрашивает, что да как. А я ему спокойно: «Очень все хорошо. Приходи ко мне на свадьбу под Новый год». Он сразу в лице изменился, очень медленно и отчетливо, по слогам, отчеканил: «Свадьба будет не под Новый год, а на Октябрьскую». Так и сыграли мы свадьбу на Октябрьскую в сорок пятом. Две свадьбы было. Одна тут, в этом доме, а вторая — в деревне у Мишиных родных.

Я взглянула на часы. Засобиралась.

— Да куда же вы? Так поздно уже, заночуйте у нас, — уговаривала меня Евдокия Васильевна.

С этого вечера я почувствовала себя у Храмовых своим человеком.

А теперь о сыновьях.

Евгению — двадцать шесть. Виктору — семнадцать. Внешне они мало похожи. Евгений высокий, широкоплечий, упитанный. Виктор худощавый, тонкий. Сзади своими длинными волосами напоминает девчонку-подростка. Не похожи они и характерами. Евгений спокойный, терпеливый, вежливо-сдержанный. Виктор резкий и в поступках и в словах, порывистый, «сразу выплескивает все свои эмоции», как говорит Оля, жена Евгения. Евгений, по его собственному выражению, «страстный природолюб, вероятно, в отца». Коллекции марок, этикеток или значков, подобно многим мальчишкам, в детстве не собирал. Собирал до самого последнего времени... аквариумы. Комната, в которой жили они с Витей, была заставлена от пола до потолка аквариумами. Евдокия Васильевна заходила к сыновьям с опаской, боялась, что какой-нибудь сосуд сверху свалится и раздавит. Но сосуды не падали, и в них порхали стаи — не каких-нибудь гуппи, а редкостных барбусов. Почему именно барбусы-конхониусы и барбусы-суматронасы, которых и раздобыть-то было очень трудно? Ответ на вопрос в самом характере Жени: эти рыбки особенно прихотливы; чтоб разводить их, требуется немалая выдержка. Жению они тем и привлекали: выдержки ему было не занимать. В конце концов барбусов выжил Ромка. За месяц до его появления на свет Оля все же доказала мужу, что пора вместо аквариумов ставить детскую кроватку, и барбусы перекочевали к друзьям и знакомым.

Виктор никогда ничего не коллекционировал. Зато любил спорт, любил рисовать и играть на гитаре, даже посещал музыкальную школу. Ходил в детскую секцию при Дворце спорта и получил по плаванию второй взрослый разряд. Вообще по рисованию, физкультуре и урокам труда в школе у него были сплошные пятерки. Зато по остальным предметам... сплошные тройки. Позапрошлой весной он категорически заявил: «В школу больше не пойду». Евдокия Васильевна и Анастасия Семёновна, бабушка, страшно расстроились: точь-в-точь повторялась история со старшим сыном, который не захотел учиться в школе после восьмого класса. У Жени была на то в конце концов веская причина: его подвели глаза. Зрение у него слабое с детства. Врачи не разрешали ему даже заниматься спортом, как он этого ни добивался. Придет, бывало, перед соревнованиями на комиссию, а ему: «Опять пожаловал? Иди домой, делай утреннюю зарядку!» К пятнадцати годам Женя перерос отца, был выше всех в классе, сидел на последней парте, а очки стеснялся носить. И переспрашивать учителя, который писал на доске уравнения, тоже стеснялся. В результате кое-как до восьмого класса дотянул. Очки надел после школы.

У Жени завершилось все благополучно: окончил вечернюю среднюю школу, уже работая на заводе. Теперь у него третий разряд, прилично зарабатывает. Я видела Женю в новом сборочном цехе, прекрасном, как дворец. Здесь многочисленные детали, узлы и агрегаты, завершив длинный свой путь по заводу, воссоединяются в едином организме быстролетной птицы. И в крылья «Як-40», изрисованные сложным узором «моих» заклепок из «моего» цеха нормалей, электрики, и в их числе Храмов-сын, вмонтируют кровеносную систему — электрические схемы. Я спросила у Евгения, нравится ли ему работа. Ответил: «Очень. Хочу готовиться к сдаче на четвертый разряд».

А вот что получится с Витькой-непоседой? Тут везде всеобщее среднее образование, а он, пожалуйста, — «не хочу». Все женщины в доме Храмовых, включая Олю, страшно переживали. Мужчины внешне хранили спокойствие.

— Что же ты намерен делать? — спросил Михаил Федорович сына.

— Работать.

— А может быть, пойдешь в техникум?

— С тройками не попаду. За полгода на заводе я кое-чему научусь, разряд получу. Вернусь из армии — специальность будет.

В таком рассуждении был резон. Но отец тут же поставил условие:

— Хорошо. Иди на завод. Но этой же осенью поступай в вечернюю школу.

Школа — вон она, наискосок, через улицу.

С того памятного разговора прошел год. Виктор занимается в десятом классе. С завода он приходит, как правило, первым. У него, подростка, укороченный день. Вот и сейчас, наскоро переодевшись и умывшись, идет в столовую. Бабушка уже напекла любимых его оладий. Уплетает их он с вареньем, запивая молоком, и с таким аппетитом, что и я удержаться не могу.

За этим занятием и застает нас Михаил Федорович. Он сегодня тоже поторопился. Предстоит одно мероприятие. Я знаю, какое. Дожевывая на ходу последний оладышек, Виктор охорашивает перед зеркалом в прихожей свои кудри. Отец отворачивается, и я догадываюсь, почему. Не может он хладнокровно видеть эти самые кудри. Сколько было разговоров о них! Все бесполезно. Дико упрям, и в кого только? Взять бы да и чикнуть ножницами, когда спит. Но чикнуть легче всего. Труднее убедить.

— Ты куда?

— Да к ребятам.

— Погоди, не торопись. Сегодня другая программа. Пойдем все вместе на пристань.

— Пап, может быть, мне не надо?

— Надо, Витя, надо! Поливоды придут, Басовы, Князевы. Все наши. Фотографироваться будем.

К троллейбусу мы идем через тот самый сквер, что начинается у завода. Михаил Федорович, Евдокия Васильевна, Виктор. Вот уже и младший сын сравнялся ростом с отцом, замечаю я.

Под ногами шуршат золотые листья. Падают они откуда-то сверху, с осенней прозрачной высоты. И я снова удивляюсь: «Какими же большими стали деревья!»

СОДЕРЖАНИЕ

Крупницы добра	3
Член правительства	18
Искусство жить	25
Валя-Валентина	32
Храмовы	39

Галина Куликовская
ВОЙНОЮ ОПАЛЕННЫЕ

Редактор Д. К. Иванов
Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 6.06.79. Подписано к печати 27.09.79. А 00724.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Новогазет-
ная». Высокая печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,98.
Тираж 100 000. Изд. № 2527. Зак. 756. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Цена 10 коп

Индекс 70668

СПОРТЛОТО

6 из 49

и 5 из 36

**ВСЕ КАРТОЧКИ БЕСТИРАЖНЫЕ
ПО ВЫБОРУ ЛЮБИТЕЛЯ ИГРЫ КАРТОЧ-
КИ УЧАСТВУЮТ В ЛЮБОМ ТИРАЖЕ ГОДА
ТИРАЖИ КАЖДЮЮ СУББОТУ
РАЗМЕР ВЫИГРЫША ОТ 3 ДО 10 000 РУБ-
ЛЕЙ**

Главное управление
спортивных лотерей